Ч 114/71

РЯЗАНСКІЯ РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

П 114/71

РЯЗАНСКІЯ
РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ИЗВѢСТІЕ
О СТАРИННЫХЪ И БОГАТЫХЪ
ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКИХЪ

ИЛИ

ЦАРСКИХЪ УБРАНСТВАХЪ,

НАЙДЕННЫХЪ ВЪ 1822 ГОДУ БЛИЗЪ СЕЛА

СТАРАЯ РЯЗАНЬ.

Съ краткою выпискою изъ сего Извѣстія на Французскомъ языкѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛЮШАРА.

1831.

И 114/71

РЯЗАНСКІЯ

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ИЗВѢСТІЕ

О СТАРИННЫХЪ И БОГАТЫХЪ ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКИХЪ

ИЛИ

ЦАРСКИХЪ УБРАНСТВАХЪ,

НАЙДЕННЫХЪ ВЪ 1822 ГОДУ БЛИЗЪ СЕЛА

СТАРАЯ РЯЗАНЬ.

Съ краткою выпискою изъ сего Извѣстія на Французскомъ языкѣ.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

« Il est dans les annalles du moyen âge une époque encore peu « connue et bien digne de notre intérêt. »

Gauttier d'Arc, Histoire des conquêtes des Normands etc. Paris, 1830, in 8, préface, pag. V.

Ф. 31. 2670-9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Плюшара.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Мая 5 дня 1831 года.

Цензоръ Николай Щегловъ.

2007096510

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ,

ВѢЧНО-ДОСТОЙНОЙ СЛАВЫ,

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I-го.

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Алексѣй Олининъ.

Д. Т. С.

С.-Петербургъ.

1831.

ИЗВѢСТІЕ

О СТАРИННЫХЪ УБРАНСТВАХЪ,

НАЙДЕННЫХЪ БЛИЗЪ СЕЛА

СТАРОЙ РЯЗАНИ.

« Les monumens ne sont pas assez nombreux, pour qu'ils puis-
« sent suffire à tout éclaircir, et il faut des précautions extrêmes
« pour distinguer les faits vraiment certains d'avec ceux qui ne
« sont que probables. »

DEPPING, *Histoire des Expéditions maritimes des Normands etc.* Paris 1826, in-8. Tom 1er Disc. prel. p. ij.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Незабвенной памяти Государь Императоръ Александръ I-й (въ 1824 году) соизволилъ мнѣ поручить наблюденіе за вѣрнымъ срисовываніемъ старинныхъ золотыхъ богатыхъ убранствъ, найденныхъ близъ села, называемаго: *Старая Рязань.* Его Величеству благоугодно было притомъ повелѣть, чтобъ я приложилъ все стараніе мое о разрѣшеніи, буде можно, слѣдующихъ вопросовъ:

« Къ чему именно сіи убранства могли служить?— « и — Кому оныя принадлежали? »

Сполъ лестное для меня порученіе, къ крайнему моему сожалѣнію, было весьма прудно исполнить надлежащимъ образомъ. Я особенно запруднялся въ разрѣшеніи послѣдняго вопроса. По несчастію, на тѣхъ вещахъ никакихъ не было признаковъ или надписей, которые могли бы указать на какое либо извѣстное въ Исторіи событіе, или лице, какъ подобные признаки посчастливилось мнѣ отыскать для опредѣленія, кому именно могъ принадлежать найденный (въ 1808 году) булатный богатый шлемъ, неподалеку отъ города Юрьева - Польскàго. (1).

Первое препятствіе, замедлявшее исполненіе Высочайше порученнаго мнѣ дѣла, т. е. изслѣдованія о сокровищѣ, найденномъ близъ села Рязани, произошло отъ слѣдующей причины:

Для вѣрнаго и точнаго рисованія съ древнихъ произведеній изящныхъ художествъ или съ старинныхъ издѣлій разныхъ вѣковъ и народовъ, необходимо нуж-

---

(1) Сей шлемъ, по мѣсту и по положенію, въ которомъ онъ былъ найденъ, равно какъ и по образамъ, его украшающимъ, несомнѣнно принадлежалъ Великому Князю Ярославу Всеволодовичу, отцу Александра Невскаго. Сіе будетъ доказано въ подробномъ описаніи сего шлема, сопровожденномъ обстоятельнымъ повѣствованіемъ о Липецкомъ сраженіи (1216 года), а для сравненія современнаго тождества въ обычаяхъ, описаніемъ и Бовинской битвы (1214 года). Сей Опытъ историческихъ изысканій давно уже готовъ; но изданіе онаго приостановилось за нѣкоторыми справками и за недостаткомъ у меня свободнаго времени.

но имѣть особый къ тому навыкъ. Художникъ долженъ пріучить свой глазъ отыскивать въ вещахъ сего рода настоящую ихъ характеристику, безъ которой самой превосходной работы рисунокъ не можетъ выполнить той главной цѣли, которая въ семъ родѣ искусства требуется, а именно: чтобъ точнымъ изображеніемъ предмета, не прибавляя къ нему ни поправокъ, ни прикрасъ, и не выпуская никакихъ его недостатковъ или неправильностей, представить вѣрный способъ наблюдателю нравовъ и обычаевъ временъ прошедшихъ, соображать или узнавать вѣкъ или употребленіе изображенной вещи, какому народу, а иногда и лицу могла она́л принадлежать? Такимъ образомъ художникъ, посвящающій себя сей части подражательныхъ искусствъ, долженъ быть не что иное, какъ самый строгій портретистъ, не смотря на случайную безобразность предметовъ. Вотъ условіе, по которому не всякаго художника можно прямо на это дѣло употребить. Самому искусному иногда надобно нѣсколько лѣтъ провести въ прилѣжномъ занятіи работами сего рода. Таковъ былъ Хранитель рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, покойный Г. Ермолаевъ, который, сверхъ необыкновеннаго навыка въ семъ родѣ рисованья, имѣлъ еще обширныя и глубокія познанія въ Исторіи вообще, и особенно въ Россійской. Но судьбѣ угодно было прекратить его жизнь почти въ то самое время, когда я намѣревался,

послѣ многихъ моихъ изысканій, приступишь къ рѣшительному исполненію порученнаго мнѣ дѣла. Съ того времени, испытывая на сей предметъ разныхъ Художниковъ, я недавно только нашелъ одного весьма способнаго къ сему роду занятій, а именно: Г. Художника 14-го класса Солнцева. Наставивъ его въ семъ дѣлѣ надлежащимъ образомъ, я исходатайствовалъ, въ началѣ прошедшаго года, чрезъ Г. Министра Императорскаго Двора, Высочайшее соизволеніе на отправленіе Г. Солнцева въ Москву, для срисованія въ Мастерской Оружейной Палатѣ разныхъ родовъ стариннаго Русскаго оружія, богатыхъ убранствъ или нарядовъ прошедшихъ временъ, домашняго скарба, утвари Царской и одежды нашихъ предковъ. Сей важный трудъ, нынѣ предпринятый по одному городу Москвѣ, если продолжаемъ будетъ и по другимъ нашимъ стариннымъ городамъ, то конечно съ пользою послужитъ къ составленію со временемъ полнаго курса Русской Археологіи, для объясненія старинныхъ обычаевъ, обрядовъ, одѣянія или костюма Художникамъ нашимъ и даже иностраннымъ.

Г. Солнцевъ, отправленный мною изъ Москвы въ города Владиміръ и Юрьевъ-Польской, для срисованія тамъ старинныхъ любопытныхъ церквей, тѣмъ самымъ избавился отъ холеры и благополучно возвратился въ Сѣверную нашу Столицу, Богомъ и Царемъ досель хранимую. Здѣсь Г. Солнцевъ привелъ въ надлежащій

порядокъ, искуспою и прилежною отдѣлкою, рисунки имъ начатые съ драгоцѣнныхъ вещей, найденныхъ близъ села Старой Рязани.

Къ пяти рисункамъ съ сихъ богатыхъ памятниковъ, я хотѣлъ было присовокупить еще четыре. Но для сбереженія времени и уменьщенія издержекъ въ печатаніи, на счетъ собственной Государевой казны, я нынѣ собралъ помѣщенные въ четырехъ рисункахъ предметы на двухъ только гравированныхъ доскахъ. Такимъ образомъ, для соображенія вѣроподобнаго, сколько можно, объясненія вещей, близъ села Старой Рязани найденныхъ, сіи рисунки заключаютъ въ себѣ разные предметы, принадлежащіе къ Царской одеждѣ, къ нашей Церкви и къ старинному нашему оружію.

Первый изъ сихъ рисунковъ или доска (N. 1.) будетъ служить вмѣсто заглавной каршины. Въ немъ изображенъ, подъ литерою: А, обликъ Царя Алексѣя Михайловича, въ Царскомъ его одѣяніи, то есть: *въ становомъ кафтанѣ*, съ золотыми пуговицами (олив-ками) и въ богатыхъ *бармахъ* вокругъ груди и плечь (2).

---

(2) Сей портретъ срисованъ и уменьшенъ въ половину съ большою точностію Г. Солнцевымъ, съ одной изъ каршинъ, писанныхъ водяными красками, въ рукописной старинной книгѣ, подъ названіемъ: «книга, а въ ней собра-«ніе откуда произыде корень Великихъ Государей, Царей і Великихъ Князей «Россійскихъ etc. *Состряна* сія Книга въ нынѣшнемъ во $\overline{\rho\Pi}$ $\frac{7180}{1672}$ году. Эта любопытная рукопись принадлежитъ Библіотекѣ Императорской Академіи Художествъ. Въ ней изображены обликн или портреты многихъ нашихъ Великихъ Князей и Царей, начиная отъ Рурика до Петра I-го;

Фигура на семъ рисункѣ, подъ литерою C, представляетъ такъ называемыя Мономаховы бармы, съ натуры писанныя, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ могли быть нашиты въ свое время на широкій опложной воротникъ, сдѣланный изъ богатой ткани. Въ семъ же рисункѣ, подъ литерою B, показана кольчуга серебряная, украшенная серебряными же позолоченными бляхами съ драгоцѣнными камнями, расположенными на той кольчугѣ въ видѣ бармъ. Сіе драгоцѣнное оружіе, срисованное съ подлинника Г. Солнцевымъ, хранится въ Москвѣ, въ Оружейной Мастерской Палатѣ.— Кому оно принадлежало,— неизвѣстно. Подъ литерою D изображенъ Россійскій гербъ временъ Царя Алексѣя Михайловича и почеркъ письма того же времени, подъ литерою E.

Второй изъ дополнительныхъ рисунковъ къ Рязанскимъ древностямъ (N. 2.) въ видѣ типтульной картины, изображаетъ подъ литерами: A. и B. панагію Верейскаго Митрополита Аверкія, временъ Царя Михаила Ѳеодоровича, найденную Г. Солнцевымъ въ Рож-

---

гербы всѣхъ Русскихъ областей по тогдашнему раздѣленію ихъ въ Царскомъ титулѣ; гербы и портреты всѣхъ современныхъ тогда Христіанскихъ, Мусульманскихъ и другихъ иновѣрныхъ Государей. Замѣчишь должно, что обликн нашихъ Великихъ Князей до Царя Іоанна Васильевича выдуманы живописцемъ, что̀ въ особенности доказывается доспѣхами XVI. вѣка, коими онъ вооружилъ Рурика и Игоря, и большою бородою Святослава Игоревича, который какъ извѣстно, брилъ не токмо ее (кромѣ усовъ), но даже всю почти голову силошь, оставляя на ней одинъ хохолъ или нынѣшній Запорожскій *оселедецъ*. *Смотрите:* Leonis Diaconi, etc. Historia C. B. Hase. Parisiis 1819 inf. L. IX. § XI.

дествснскомъ Монастырѣ города Владиміра; а подъ буквами C. и D. мѣдный, мнѣ принадлежащій, складный крестъ, найденный на знаменитомъ Куликовомъ полѣ (3).

Предметы, помѣщенные въ сихъ двухъ первыхъ рисункахъ, должны служить для соображенія и доказательствъ при разсужденіяхъ о вещахъ, найденныхъ въ Рязанской Губерніи; остальные же пять чертежей, изображаютъ собственно Рязанскія древности.

Сими опытными рисунками трудовъ Г. Солнцева я надѣюсь выполнить первую часть Высочайше возложеннаго на меня порученія; но къ крайнему моему сожалѣнію, я не въ состояніи исполнить, съ должною опредѣлительностію, послѣднихъ двухъ частей сего повелѣнія. — Одно мое усердіе и неусыпныя старанія о разрѣшеніи заданныхъ мнѣ вопросовъ не могутъ замѣнить, ни недостатка въ точномъ опредѣленіи настоящаго и несомнительнаго употребленія важнѣйшей части найденныхъ въ Старой Рязани вещей, ни неизвѣстности тѣхъ лицъ, кому онѣ дѣйствительно принадлежали.

Медленность, съ каковою я производилъ сіе розы-

---

(3) На семъ самомъ полѣ, извѣстный Татарскій Ханъ Мамай, соединивъ *Золотую* Орду съ *Волжскою*, былъ наголову разбитъ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ въ 1380 году. Сіе побоище, хотя и не рѣшило судьбы угнетенной тогда Россіи подъ игомъ Татарскимъ, но подобно Бородинскому сраженію «*доказало* (какъ говоритъ Н. М. Карамзинъ) *возрожденіе силъ ея . . . . и» . . . . служило основаніемъ* (дальнѣйшихъ) *успѣховъ.*» Исторія Государства Россійскаго Изданіе второе. Томъ V. стран. 22 и 76.

сканіе, происходила не токмо отъ вышесказанныхъ причинъ, но и особенно отъ крайняго у меня недоспанка въ свободномъ времени.

II.

ОТКРЫТІЕ ДРАГОЦѢННЫХЪ УБРАНСТВЪ ПРИ СЕЛѢ СТАРОЙ РЯЗАНИ.

Желая, сколько можно, удовлетворительнѣе отвѣчать на заданные мнѣ два вопроса, касательно употребленія и принадлежности найденныхъ въ Старой Рязани драгоцѣнныхъ вещей, я прилагалъ о томъ въ продолженіе довольно многаго времени все мое стараніе. Хотя не надѣялся я въ томъ совершенно успѣть, по недостатку подробныхъ свѣдѣній объ одѣяніи и богатыхъ нарядахъ предковъ нашихъ, однакожъ за нужное почелъ сперва обстоятельно узнать: когда, въ какомъ мѣстѣ, по какому случаю, и въ какомъ видѣ, найдены были драгоцѣнныя убранства, о которыхъ здѣсь рѣчь.

На сей конецъ я имѣлъ честь означенные вопросы сообщить, еще въ 1824 году, Г. Генералъ-Адъютанту Его Императорскаго Величества А. Д. Балашеву, бывшему тогда Генералъ-Губернаторомъ пяти Великороссійскихъ Губерній, въ томъ числѣ и Рязанской, гдѣ сіи драгоцѣнные остатки стариннаго Русскаго искусства были найдены. Его Высокопревосходительство,

по любви къ истинному просвѣщенію, поспѣшилъ мнѣ доставить всѣ свѣдѣнія, которыя могли удовлетворить мои вопросы (4). Изъ сихъ подробныхъ объясненій открылось слѣдующее:

Рязанской Губерніи въ Спасскомъ Уѣздѣ, въ 50 верстахъ отъ нынѣшняго Губернскаго города Рязани, внизъ по рѣкѣ Окѣ, близъ села, называемаго Старая Рязань, помѣщика Шестакова, находилось мѣсто, обнесенное старинным земляным валомъ, чрезъ которое пролегаетъ большая дорога города Сапожка.

Въ 6-й день Іюня 1822 года крестьяне помянутаго села: Устинъ Ефимовъ, съ сыномъ своимъ Моисеемъ, и крестьянинъ Яковъ Петровъ, отправляя земскую повинность, обдѣлывали помянутую дорогу. Первому изъ нихъ (Устину Ефимову) досталось на назначенномъ мѣстѣ дѣлать для канала откосъ. На сей конецъ началъ онъ взрывать землю сохою (5). Пройдя симъ па-

---

(4) По отношенію моему отъ 24 Февраля 1824 года, Г. Генералъ-Адъютантъ А. Д. Балашовъ, при отзывѣ своемъ отъ 27-го Марта того же года подъ No. 1191, доставилъ мнѣ всю свою переписку, касательно найденныхъ вещей близъ села Старой Рязани, какъ-то: копіи со всеподданнѣйшаго его донесенія по сему случаю, съ описанія сихъ вещей, съ предложенія Г. г. Гражданскимъ Губернаторамъ по сему дѣлу и съ описи отысканныхъ предметовъ.

(5) Для точнѣйшаго перевода Русскаго речепія соха, я употребилъ въ прилагаемой при семъ выпискѣ изъ сего извѣстія на Французскомъ языкѣ слово, употребляемое въ одной только Западной Франціи, въ провинціи называвшейся *Аквитанія* (нынѣ Департаменты Шаранты). Находящее сіе орудіе называется тамъ: араиъ (araii) и весьма сходно съ нашею Русскою *сохою*. Смотр. l'abbé Rozier, Cours complet d'agriculture etc. Paris 1785 in 4° tom. III, art: *charue*, Sec. II.

хотнымъ орудіемъ малое пространство и не глубже прехъ четвертней аршина, онъ увидѣлъ золотыя вещи, осыпанныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и тогда же ихъ вынулъ. Сынъ его Моисей, подстрекаемый счастіемъ отца, пустился въ слѣдъ за нимъ искать на томъ же мѣстѣ осталковъ сего клада. Труды его не были тщетны; онъ открылъ еще нѣсколько подобныхъ убранствъ. — Мѣсто, гдѣ сіи богатыя вещи были найдены, лежитъ внутри вышепомянутаго земляная вала.

Мнѣ сказывали, что онѣ всѣ спрятаны были въ мѣшкѣ или кисѣ кожаной, совершенно истлѣвшей.

Въ сихъ вещахъ оказалось вѣсу, въ самомъ чистомъ золотѣ вмѣстѣ съ драгоцѣнными камнями, невступно 6 фунтовъ (5 фун. 95 зол.) Россійскаго вѣса.

По доставленіи сихъ вещей къ Генералъ-Губернатору А. Д. Балашову, Его Высокопревосходительство представилъ ихъ въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру I-му.

Его Величество указать соизволилъ передать сіи вещи мнѣ для изслѣдованія, какъ выше было мною сказано; между тѣмъ повелѣлъ ихъ надлежащимъ образомъ оцѣнить и донести о томъ Его Величеству чрезъ начальство Императорскаго Двора.

Оцѣнка была сдѣлана самая умѣренная; но со всѣмъ тѣмъ лучшіе этаго дѣла мастера, мною призванные, объявили, что цѣна сего сокровища гораздо бы превы-

шала 10,000 рублей, еслибъ драгоцѣнные камни, которыми сіи вещи осыпаны, были обдѣланы или огранены по нынѣшнему.

Государь Императоръ Александръ I-й Всемилостивѣйше указать соизволилъ выдать помянутымъ крестьянамъ 10,000 руб., изъ коихъ 9 т. получили Устинъ Ефимовъ съ сыномъ, а одну тысячу Яковъ Пепировъ; найденныя же вещи назначено было хранить въ комнатахъ Эрмитажа Зимняго Дворца.

III.

ВЪ КАКОМЪ ВИДѢ НАЙДЕНЫ БЫЛИ ДРАГОЦѢННЫЯ РЯЗАНСКІЯ УБРАНСТВА.

Выше сего упомянуто, гдѣ, какъ и что вообще было найдено близъ села Старой Рязани, въ разрушенномъ земляномъ валу. Тамошніе жители по преданіямъ полагаютъ, что на этомъ мѣстѣ, въ прежнія времена, стоялъ городъ Переяславль Рязанскій. (6)

(6) Знаменитый нашъ Исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, часто упоминаетъ о разоренілхъ, причиненныхъ набѣгами Ташаръ и Нагайцевъ на Рязанскую область. *Смотрите:* Исторію Государства Россійскаго (второе изданіе) Томы VII, стр. 121, 149, 162; VIII, стр. 22, 29, 74, 121 (здѣсь Н. М. Карамзинъ упоминаетъ о Старой Рязани). Иные утверждаютъ, что городъ Рязань былъ совершенно разоренъ Ташарами въ 1568 году, и что около сего времени Царь Иванъ Васильевичъ упразднилъ и Рязанское

Употребленіе нѣкоторыхъ изъ найденныхъ при Старой Рязани вещей весьма извѣстно, какъ-то: крестиковъ яшмовыхъ въ золотой оправѣ съ ушками, носимыхъ на груди; золотыхъ большихъ кафтанныхъ пуговицъ; женскихъ перстней, украшенныхъ драгоцѣнными камнями; кольца, зарукавья, подвѣсокъ, можетъ быть къ сергамъ и цѣпочки. Сверхъ сихъ вещей, сдѣланныхъ изъ самаго чистаго золота, нашлось еще большое количество серебряной позолоченной *ковани*, разныхъ видовъ и величины.

Сей родъ богатаго украшенія употреблялся у насъ въ старину для вышиванія парчевыхъ и бархатныхъ или *аксамитныхъ* платьевъ, и особенно Царскихъ или Княжескихъ церемоніальныхъ одеждъ. На сей конецъ во всякой изъ сихъ кованей имѣются дирки, для пришивки ихъ къ разнымъ шканямъ (7).

При сихъ извѣстныхъ частяхъ старинныхъ нашихъ нарядовъ найдено нѣсколько круглыхъ большихъ

Княжество. Въ концѣ сего Извѣстія я приложу любопытныя и подробныя свѣдѣнія, весьма обязательно мнѣ доставленныя трудолюбивымъ переводчикомъ извѣстнаго Сочиненія Капитана Маржерета на Русскій языкъ. Сими свѣдѣніями, собранными Г. Устряловымъ, доказывается, что Рязанское Княжество присоединено къ Московскому Государству прежде 1517 года, и что городъ Старая Рязань существовалъ послѣ его разоренія въ 1568 году, до 1708 года.

(7) Реченіе *аксамитъ* происходитъ отъ Греческаго языка среднихъ временъ ἑξάμιτον, также: ξάμιτος — сокращенно; отъ сего слова въ тѣ же времена произошли Нѣмецкія и Французскія реченія: Sammet, Samit, Samis, Samy, и Русское: *аксамитъ*; сіе слово означаетъ обыкновенно толстую

золотыхъ бляхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, изъ коихъ нѣкоторая часть украшена образами, писанными финифтью въ Византійскомъ вкусѣ, на коихъ неисправныя Греческія надписи доказываютъ, что онѣ были сдѣланы Русскимъ мастеромъ, какъ уповательно и весь этотъ богатый приборъ.

Таковыхъ бляхъ разнаго размѣра, двойныхъ, большихъ, среднихъ и малыхъ нашлось пять паръ, да три одинокихъ, всего 13 штукъ; въ томъ числѣ двѣ самыя большія двойныя, съ пустотою въ срединѣ. На гладкой ихъ сторонѣ написаны финифтью по золоту два Святыхъ, ибо имѣютъ вѣнчики около головы, но безъ именъ. Они представлены безъ бороды (8). Вмѣсто надписи поставлены въ золотомъ полѣ съ обѣихъ сторонъ головъ и плечъ ихъ Святыхъ, по украшенію писанному финифтью, въ видѣ большаго цвѣтка или сосуда; въ рукахъ у нихъ кресты Русскіе; на головѣ старинныя Словянскія шапки (9). Съ другой стороны сіи бляхи усыпаны крупными драгоцѣнными камнями,

---

шелковую ткань, нынѣ называемую бархатъ. Часто ее ткутъ съ золотомъ и серебромъ. *Смотрите:* Du Cange, Glossarium ad scriptores infimae graecitatis et latinitatis, слова: ἑξάμιτον, Exametum. Также Histoire de St. Louis par Jehan Sire de Joinville etc. Paris 1761, in fol. Glossaire page liij.

(8) Смотрите: Лазаря Барановича, *Проповѣди слова Божіего* etc. или *трубы праздничныя* на оборотѣ $\overrightarrow{\zeta\Delta}$, 204 листа. Изображеніе на деревѣ вырѣзанное, Св. Мучениковъ Бориса и Глѣба въ листѣ. Кіевъ 1674 и 1679 года.

(9) Menologium Graecorum etc, Urbini 1727 in-fol. 3, vol. pars. 1, pag. 215.

вставленными въ весьма высокія золотыя ячейки. Надъ главами Святыхъ сдѣланы въ тѣхъ бляхахъ выемки, вѣроятно для помѣщенія подвѣсокъ, на которыхъ привѣшивали ихъ къ цѣпи золотой.

Сей нарядъ нѣсколько сходствуетъ съ панагіями (10), какъ-то здѣсь видѣть можно въ типульномъ рисункѣ No. 2, подъ литерами A и B. Подъ сими буквами изображена панагія Верейскаго Митрополита Аверкія. Въ ней имѣется дѣйствительно пустота для храненія мощей.

Что двѣ двойныя бляхи, найденныя близъ Старой Рязани, не могли быть плотно къ платью пришиты, то доказывается высоко на нихъ, съ обѣихъ сторонъ, придѣланными (какъ выше сказано) въ золотыхъ очейкахъ, крупными драгоцѣнными камнями, которые бы не допустили сихъ бляхъ плотно прикрѣпить къ платью. Слѣдственно ихъ носили свободно, висячими на снуркахъ или на цѣпяхъ золотыхъ, на подобіе какъ носятъ панагіи, или какъ древніе Римляне носили золотыя свои *буллы* (11). На сей конецъ при вышесказан-

---

(10) *ПАНАГІА* (слово Греческое) значитъ образъ Христовъ или Богородичевъ. «Носимый Архіереемъ и нѣкоторыми отличными Архимандритами «на цѣпочкѣ, на персяхъ.» П. Алексѣева Церковный Словарь etc. С. П. б. 1794 года in-8. Томъ II, стр. 277.

(11) Обычай носить на груди золотыя буллы или кругловатыя коробочки, привѣшенныя къ шеѣ на золотомъ снуркѣ или цѣпочкѣ, восходитъ къ первымъ временамъ Рима. «Буллы, говоритъ Монфоконъ, было убранство, «которое присвоялось въ древности однимъ дѣтямъ знатныхъ людей, но «которое потомъ сдѣлалось въ большомъ употребленіи.....» «Сіи буллы

ныхъ выемкахъ были уповательно подвѣски, подобныя тѣмъ, которыя предположены въ рисункѣ No. 3, подъ литерами M. и N, какъ равно и золотыя ушки или петелки, при нихъ доселѣ уцѣлѣвшія.

Другой родъ бляхъ, также парныхъ имѣетъ одну сторону гладкую, состоящую изъ золотаго листа, а другую усыпанную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Каждая изъ сихъ бляхъ снабжена подвѣскою золотою, за которую уповательно ее привѣшивали къ платью посредствомъ снурка или пришивки къ самой ткани.

Здѣсь должно замѣтить, что всѣ сіи драгоцѣнные камни только гладко выполированы, безъ фацетовъ, что̀ доказываетъ ихъ древность. Они вставлены въ золотые ячейки, а сіи послѣднія утверждены къ бляхамъ посредствомъ прикрѣпленной къ нимъ *скани золотой*, подобно какъ утверждены были драгоцѣнные 12-ть камней къ *слову судному*, или нагруднику сей богатой части облаченія Первосвященника у древнихъ Евреевъ (12).

«были пустыя внутри, чтобъ въ нихъ класть предохранительныя средства, «по словамъ Макровія.» Montfaucon. Antiquité expliquée, etc, Paris 1719, in-fol. tom III, pag. 68 et 69, pla. XXXVII, et. XL.

(12) По сему предмету и вообще о точномъ видѣ священническаго облаченія у древнихъ Евреевъ, изготовлено мною новое изслѣдованіе въ пользу Художниковъ. Въ Библіи *сканая работа* называется несомнѣнно *мешебецъ*, во множественномъ מִשְׁבְּצוֹת *мешебецотъ*. Сія работа и понынѣ въ большомъ употребленіи въ Азіи. На Арабскомъ языкѣ называютъ ее *мушеббекъ* مشبّك т. е. *сплетенье, сученіе, сѣтка, сѣточная*, сучильная *работа* то, что называется по-Французски: Filigrane, а по-Руски: *Сканъ*.

Третій родъ бляхъ, съ одной стороны также гладкихъ, а съ другой украшенныхъ камнями, имѣютъ каждый посрединѣ образъ, финифтью писанный, а именно: Пресвятыя Богородицы и Святыхъ Маріи или Марины, Варвары и Орины (вмѣсто *Ирины*, какъ бы слѣдовало), а сверхъ того тутъ же нашлась бляшка или образокъ овальный съ изображеніемъ финифтью Святаго Животворящаго креста.

Точное употребленіе гладкихъ бляхъ безъ образовъ трудно опредѣлить. Извѣстно только то, что въ старыя времена у насъ въ Россіи, не токмо Царская или Велико-Княжеская, но и праздничная одежда Бояръ дѣлалась обыкновенно изъ парчи или бархата. Сіи платья нерѣдко украшены были драгоцѣнными камнями. Сверхъ того Владѣтельные наши Князья и Княгини, а потомъ Цари и Царицы, носили въ торжественные дни одежду, обложенную богатыми запонами, называемую: *становой кафтанъ* (родъ длинныхъ распашныхъ дальматиковъ или *стихарей* (13). Сіе Царское одѣяніе застегивалось спереди, отъ шеи до ступней, большими золотыми пуговицами въ видѣ оливокъ (14). Сверхъ сего платья, около груди и плечь, носили они широ-

---

(13) *Στιχάριον*. Tunica, говоритъ Du Cange въ своемъ: Glossarium ad Scriptores mediae et infimæ Græcitatis etc. *Στιχάριον* appellatur præterea *vestis* strictior ecclesiastica.

(14) Смотрите здѣсь портретъ Царя Алексѣя Михайловича въ рисункѣ No. I.

кой отложной круглый воротникъ, на которомъ были утверждены такъ называемыя бармы ([15]). Сія принадлежность Царской одежды украшена была разнообразными, но бо̀льшею частію круглыми, золотыми, отдѣльными бляхами, усыпанными драгоцѣнными камнями. На нѣкоторыхъ изъ нихъ изображали финифтью лики Святыхъ, и особенно образъ Богородицы, панагіи Ви-

---

(15) Въ дополненіе къ объясненію о Царской и Княжеской одеждѣ, смотрите статью VII, стр. 73, О *Царскихъ становыхъ кафтанахъ*, въ Историческомъ описаніи древняго Россійскаго Музея, изданномъ въ большой листъ, въ Москвѣ, въ 1807 году. Къ крайнему сожалѣнію, приложенныя къ сему сочиненію гравированныя на мѣди картины такъ неисправно были рисованы, и такъ плохо выгравированы, что художникамъ никакой изъ нихъ пользы извлечь не можно. Въ сей VII статьѣ приложена любопытная выписка изъ Палатскаго Архива о Царскихъ и придворныхъ одѣяніяхъ. Въ ней довольно подробно описана порфира, или *становой кафтанъ*, въ которомъ наши Великіе Князья и Цари вѣнчались. Сію одежду надѣвали они только на случай причащенія Святыхъ Таинъ, нѣкоторыхъ великихъ праздниковъ и для приема знатныхъ Пословъ. Сказанное одѣяніе, по примѣру Греческой Византійской Царской одежды, состояло, по Архивскому описасанію: «изъ верхняго долгаго платья, покороче нижняго, съ широкими ру-«кавами, обложенное по поламъ, рукавамъ и подолу *складными золотыми «съ каменьями запонами;* когда верхній (сей) кафтанъ вздѣнется, то рос-«пахъ (его) спереди застегался вплоть;» въ семъ описаніи Царской одежды сказано, что кромѣ сихъ случаевъ она не надѣвалась. При печальныхъ произшествіяхъ налагался трауръ; тогда: «шуба на Государѣ бывала чер-«ная рытаго бархата, и вмѣсто короны шапка бархатная. Рынды стаи-«вали за Царскими креслами въ *смирномъ платьѣ* изъ темногвоздичнаго «атласа, съ собольею опушкою.... Бояре, Окольничіе и Думные люди.... «въ комчатныхъ шубахъ и въ черныхъ кафтанахъ; равномѣрно Стольники, «Стряпчіе, Дворяне, Дьяки и дѣти Боярскіе надѣвали для траура *смир-«ныя однорядки* (мундиры, uniformes) какъ-то: чернаго темновишневаго и «темнобагроваго цвѣтовъ.» За симъ слѣдуетъ примѣчаніе о происхожденіи слова: Бармы.

зантійскихъ Грековъ (16). Послушаемъ теперь, что говоритъ самовидецъ о богатствѣ нашихъ старинныхъ

---

(16) *Бармы.* Сіе слово между созвучными ему Греческими и Латинскими реченіями въ древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ нарѣчіяхъ, въ томъ значеніи, въ которомъ оно принимается у насъ, какъ часть Царской или Велико-Княжеской одежды, ни въ какомъ Словарѣ или Глоссаріи не встрѣчается. Сочинитель Историческаго Описанія древняго Россійскаго Музея или Московской Оружейной Палаты, въ статьѣ V, при объясненіи (стр. 66) Царскихъ оплечей или Свящихъ бармъ, производитъ сіе слово отъ Греческаго *βάρμα*, которое онъ объясняетъ словами: «*бремя, тяжесть*, въ «означеніе того, что Помазанные на Царство, при возложеніи бармъ, «пріемлютъ на себя великое бремя Государственнаго Правленія.» Сіе толкованіе весьма прилично тому роду Царскаго убранства; но какъ оно въ старинныхъ сочиненіяхъ не находится, и даже не могъ я отыскать его въ Чиноположеніи Двора Византійскаго (Constantini porphirogenetæ, de Ceremoniis aulæ Byzantinæ), то мнѣ кажется, что сего объясненія принять нельзя за основаніе. Я осмѣливаюсь думать, что реченіе бармы, если оно къ намъ перешло изъ Византіи, происходитъ просто отъ созвучнаго ему Греческаго реченія: *πάρμη*, во множественномъ: *πάρμαι*, *щиты* круглой формы, описанные Полибіемъ слѣдующими словами: *ἡ δὲ πάρμη.....περιφερὴς γάρ οὖσα τῷ σχήματι, τρίπηχυν ἔχει τὴν διάμετρον.* (Polyb. Hist. lib. VI § 20) *переводъ буквальный:* «парма ..... округлаго будучи вида, три пядени «имѣетъ въ поперечникѣ (въ діаметрѣ).» Въ самомъ дѣлѣ, бляхи, составляющія Княжескія и Царскія бармы, имѣютъ обыкновенно видъ небольшихъ круглыхъ щитовъ, и отъ того кажется просто свое имя получили; ибо измѣненіе литеры: П на Б весьма обыкновенно. Не смѣя рѣшительно утверждать сего мнѣнія, ибо ни въ древнемъ, ни въ среднемъ, ни въ новомъ Греческомъ языкѣ не нахожу тому примѣра, какъ равно и подъ словомъ *βάρμα*, я обращался къ знающему Восточные языки Профессору, Г. Спанскому Сокѣтнику Шармуа, съ вопросомъ, что нѣтъ ли въ *Семитическихъ* языкахъ созвучнаго реченія, отъ котораго можно бы производить слово *бармы?* Г. Шармуа, мнѣ отвѣчалъ, съ обыкновенною его въ сихъ случаяхъ готовностію и доброжелательствомъ, что онъ въ Еврейскомъ уже языкѣ находитъ слово, употребляемое только въ множественномъ числѣ, которымъ назывались какіе то богатыя цѣпи, а именно: ברומים *Бромимъ, Bromim.* Сіе реченіе употреблено у Іезекіиля, глава 27 стихъ 24.

Въ Персидскомъ языкѣ имѣются два слова پرمون *пермунъ, permoûn* и پیرامن

одежду; вотъ слова Графа Карлейля, или издателя Описанія его посольства, отправленнаго отъ Англійскаго

пейрамень, peiramen. Первый есть синонимъ словъ: *цинить* — украшеніе, и *арайшь* нарядъ.— Лексиконъ Мениискаго говоритъ: ornatus ex auro, argento « et margaritis — украшеніе: (уборъ) изъ золота, серебра и жемчуговъ. » Реченіе *Пейрамень* означаетъ кругъ, окружность. Царская одежда Персидскихъ Шаховъ на плечахъ и вокругъ шеи украшена богатымъ шитьемъ, драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ наподобіе бармъ, какъ по видно на портретѣ Ага-Магомета-Хана и Фетъ-Али-Шаха(*a*). Я не смѣю рѣшительно сказать, происходитъ ли слово бармы отъ Греческаго или Персидскаго языковъ, но только въ томъ убѣжденъ, что оно конечно не могло образоваться отъ Греческаго реченія *βάρμα*. Въ Персидскомъ языкѣ слово: بر *Беръ* по Ричардсонову лексикону значитъ между прочимъ: The bosom, breast, *иьдро, перси, грудь.* То же слово у Мениискаго объясняется слѣдующимъ образомъ, charge, poids, — empêchement, obstacle. Онъ пишетъ его: بار Баръ. У Ричардсона имѣется совершенно созвучное слово реченію *бармы* برم *Бермъ* или *Берме*, Barm, guard, protection — стража, защита, покровительство, говоритъ Ричардсонъ. Въ заключеніе сего должно замѣтить, что если бъ слово *Бармы* происходило отъ Греческаго *βαρμα*, то конечно букву *β*, замѣнили бы мы Россійскою буквою В, а не Б. Слѣдовательно я убѣждаюсь въ томъ, что слово бармы можетъ происходить отъ Греческаго: *πάρμη* — щитъ, или отъ Персидскаго *Берме — охраненіе, защита, огражденіе.* Richardson etc. a Dictionary Persian, Arabic and English. London. 1806 in-4. Meninski etc. Thesaurus Linguarum orientalium etc. Viennœ. A. 1680 infol. Здѣсь должно замѣтить, что Греческое слово *πάρμη*, кажется, заимствовано изъ Азіатскихъ языковъ. По показанію Генриха Стефана, *пармою* назывался Кареагенскій кожаный щитъ. Thesaurus Græcæ Linguæ. ab Henr. Stephano constructus tom IV. index. in Thesaurum etc. Въ нашихъ Лѣтописяхъ въ первой разъ упоминается о бармахъ подъ лѣтомъ 1441, а въ другой разъ подъ лѣтомъ 1457. Подъ симъ годомъ сказано: « велѣлъ.... Митрополитъ съ налоя « принесши.... діадиму, сирѣчь бармы » (далѣе) « велѣлъ принесши *шапку* съ налоя.... и.... вземъ *шапку*, сирѣчь *вѣнецъ*, да перекрестилъ

(*a*) Malcolm, The History of Persia. London 1815 in-4. vol. II, pag. 262—314. Sir-Ker-Porter, Travels in Georgia, Persia etc. Lond. 1821 in-4. Заглавная картина къ I-му тому. Здѣсь въ Эрмитажѣ Зимняго Дворца имѣются портреты Фетъ-Али-Шаха, писанные Персидскими Живописцами, въ которыхъ онъ представленъ въ семъ родѣ Царскаго убранства.

Короля Карла II-го къ Царю Алексѣю Михайловичу (17).

И такъ по словамъ издателя Посольства Графа Карлейля «когда шли (они) въ пріемную Палату... (па «самая, по его описанію, что нынѣ называется гра- «новипою)... тутъ (говоритъ издатель) мы сперва »были удивлены, увидѣвъ чрезвычайный блескъ и ве- «ликолѣпіе, окружавшее особу Царя.... Онъ имѣлъ на «головѣ корону, свой скипетръ въ рукѣ и большой

«Великаго Князя крестомъ.... и положилъ на него шапку.» Русская Лѣтопись по Никонову списку etc. С. П. бургъ, часть VI, стр. 152 и 154, Часть VII стр. 51, 52 и 53. Лѣтописецъ подъ словомъ *діадима* (перевязь) разумѣлъ *бармы*, а подъ словомъ *шапка — вѣнецъ*, или *корону;* но хотя онъ говоритъ (часть VII, стр. 51), что бармы были Греческаго Царя Константина Мономаха, но ничего не объясняетъ о значеніи сего слова.

(17) Сія рѣдкая книга имѣется въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ, подъ слѣдующимъ титуломъ: La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle de la part du sérénissime et très puissant prince Charles II. Roy de la grande Bretagne, vers leurs Sérénissimes Majestés Alexey Michailovitz Czar et grand Duc de Moscovie, Charles XI, Roy de Suède, et Frederic III, Roi de Danemarc etc. Amsterdam, chez Jean Blev. 1672, pet. in 12 de 382 pages. Сіе второе тисненіе Описанія посольства Графа Карлейля издано Міеджомъ, сочинителемъ большаго Англійскаго и Французскаго лексикона (Guy Miedge le grand dictionnaire François et Anglois, Anglois et François, Londres, 1682 infol). Міеджъ посвящаетъ сіе второе изданіе сыну Графа Карлейля, Виконту Морпету, и начинаетъ свое посвященіе слѣдующимъ замѣчательнымъ вступленіемъ: «Хотя сіе сочиненіе явилось «первопачально на Англійскомъ языкѣ, однако жъ я разсудилъ (говоритъ «Міеджъ), что долгъ и приличіе требуютъ посвятить вамъ сіе изданіе на «*Французскомъ*. Оно имѣетъ то преимущество предъ Англійскимъ, что «это подлинникъ.... и что впрочемъ изложено на языкѣ особенно ува- «жаемомъ (дорогомъ, chérie) у всѣхъ народовъ, любящихъ учтивость.»

Людовикъ XIV приказывалъ Посланникамъ своимъ стараться всѣми мѣрами вводить употребленіе Французскаго языка во всей Европѣ. При немъ

« *нагрудникъ* (hausse-col несомнѣнно то , что называ-
« лось у насъ *бармы*,) которыя вовсе почти покрыты
« были драгоцѣнными камнями ; впрочемъ и одежда его
« была ими такъ усѣяна , что онъ отвсюду блисталъ
« каменьями , и какъ солнце славы , отражалъ во всѣ
« стороны лучи драгоцѣннаго свѣта .... стр. 85 ....
« но сверхъ того, что было восхитительно (и застав-
« вило насъ удивляться,) это былъ блестящій на-
« рядъ Двора его ; ибо тутъ находилось около 220 Бо-
« ярь и другихъ (сановниковъ) сидящихъ по порядку
« около стѣны, одѣтыхъ большею частію въ золотыя
« и серебряныя парчевыя платья , во множествѣ усѣ-
« янныя каменьями. — Всѣ сіи люди были только какъ
« лучи того солнца , которое восходило , какъ бы въ

въ первый разъ мирный трактатъ былъ написанъ вмѣсто Латинскаго на Французскомъ языкѣ. Англійскій Уполномоченный протестовалъ противъ сего нововведенія и, подписывая договоръ, приписалъ, что это не должно служить примѣромъ для будущаго. Римляне, въ древнія времена, ввели общее употребленіе Латинскаго языка силою своею оружія, а Французы въ новѣйшее время укоренили вліяніе свое на общіе нравы въ Европѣ, введеніемъ Французскаго языка, силою пріятнаго обхожденія (и, какъ говоритъ Г. Міеджъ) отличною ихъ тогда учтивостію и прельщеніемъ роскошной жизни. Здѣсь невлишне замѣтить, что у Французовъ, прежде всѣхъ другихъ народовъ Европы, женщины допущены были въ общество мужчинъ. Жуенвиль еще въ половинѣ XIII вѣка упоминаетъ, « что *добрый* Графъ Суасон-
« скій ему сказалъ: мы еще объ этомъ днѣ будемъ говорить въ комнатахъ
« дамскихъ. » Joinville etc. Histoire de St. Louis etc. Paris 1761 , infol. pag. 52. Въ наши времена, остроумный и краснорѣчивый *Ривароль* доказывалъ неизбѣжность всеобщаго употребленія Французскаго языка, относя начало сего обычая къ блистательному вѣку Людовика XIV. — Rivarol, De l'universalité de la langue Française. Hambourg 1797 in 4. Sujet proposé par l'Académie de Berlin.

« порженственной своей колесницѣ, и все это для ито-
« го, чтобы блескъ сей посвященнѣ Государю... стр. 84 ..
« впрочемъ я оставляю думать (продолжаетъ издатель
« Карлейлева Посольства,) какимъ образомъ (мы) были
« удивлены при первой встрѣчѣ, увидѣвъ столько
« блеска и великолѣпія. Въ самомъ дѣлѣ это насъ такъ
« восхитило, и сіяніе убранствъ (которыя каза-
« лись, какъ будто оспоривающими у солнца преиму-
« щество его свѣта) насъ такъ поразило, что почти
« потерялись въ семъ удивительномъ смѣшеніи свѣта
« и славы. » стр. 85.

« Г. Посолъ (кончивъ рѣчь предъ Царемъ) возвра-
« тился на свое мѣсто. Царь всталъ съ своего трона
« и въ то же время все почтенное собраніе поднялось;
« парчевыя ихъ платья, касаясь одно другому, произ-
« вели въ Палатѣ свистящій гулъ, который насъ силь-
« но удивилъ. По окончаніи сего пріятнаго шороха,
« Его Царское Величество началъ спрашивать Посла о
« здоровьѣ Короля (Англійскаго). » стр. 86 и 87 ([18]).

---

(18) La relation de trois ambassades de Monseigneur le comte de Carlisle etc. pag. 85, 85, 86 и 87, *буквальный переводъ*. Здѣсь въ выпискѣ изъ сего Извѣстія, на Французскомъ языкѣ, помѣщенъ подлинный текстъ Описанія посольства Графа Карлейля.

IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я успѣлъ собрать для удовлетворительнаго, сколько можно, отвѣта на вопросъ:

«Къ чему могли служить найденныя при селѣ «Старой Рязани богатыя убранства?»

Разсмотрѣвъ ихъ формы, отличную для того времени работу, драгоцѣнность металла, изъ котораго онѣ сдѣланы, и камней, коими усыпаны, я прилежно все это соображалъ съ нѣкоторыми обычаями нашихъ предковъ, каковы были: а) Ношеніе на Велико-Княжескихъ и Царскихъ одеждахъ, такъ называемыхъ *барм*ъ, составленныхъ обыкновенно изъ золотыхъ круглыхъ бляхъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями и живописными на финифтѣ образами. б) Ношеніе небольшихъ иконъ и крестовъ на груди. в) Употребленіе бляхъ или *складныхъ запоновъ золотыхъ* съ драгоцѣнными камнями, для обложенія полъ, рукавовъ и *подоловъ* у спановыхъ кафтановъ или порфиръ Царскихъ и Велико-Княжескихъ (19). г) Введенный обычай большихъ

(19) Жаль, что въ Историческомъ Описаніи древняго Россійскаго Музея при словахъ: *складными золотыми съ каменьями запонами* (на стр. 74), ничего не сказано о формѣ сихъ запоновъ, и почему они назывались складными, а только видно, что они служили для украшенія Царскаго платья.

золотыхъ пуговицъ въ видѣ *боченковъ или оливокъ*, коими съ давнихъ временъ застегивались полы у мужскаго платья ([20]). д) Ношеніе женскимъ поломъ золотыхъ перстней съ драгоцѣнными каменьями, е.) Цѣпочекъ золотыхъ для крестовъ и образовъ на груди; ж) Запястій или зарукавій золотыхъ, ([21]) и наконецъ з) Серебряной золоченой ковани (для шитья по бархату и парчѣ), отъ прикосновенія которой вѣроятно происходилъ тотъ *свистящій гулъ и пріятный шорохъ*, коему такъ *сильно удивлялось* посольство Графа Карлейля.

---

(20) Русская Лѣтопись по Никонову списку часть IV, стр. 52, подъ лѣтомъ 1576 говоритъ: « и ѣздиша *порты* (платья) своя сплечь спущающе, « а пепли разстегавше. »

Въ одномъ фамильномъ портретѣ Князей Репниныхъ, именно Князь Иванъ Борисовичь Репнинъ (Боярикъ временъ Царя Алексѣя Михайловича) представленъ въ шубѣ шемнаго бархата, у которой на полахъ до пояса съ правой стороны имѣются петлицы золотыя, оканчивающіяся пуговицами же золотыми *въ видѣ боченковъ*, а съ лѣвой петлями для застегиванія ихъ за пуговицы. – Смотрите въ приложенномъ при семъ рисункѣ No. 7, литеры: S и T форму сихъ петлицъ, такъ какъ онѣ въ портретѣ изображены. Сія принадлежность къ Славянскому одѣянію усматривается уже въ X вѣкѣ, въ живописяхъ Греческой Четіи-Минеи, времени Императора Василія младшаго, въ иконѣ, изображающей убіеніе Болгарами Святыхъ Мучениковъ Манунла, Георгія и Леонтія съ братіею. Menologium Graecorum. Urbini, 1727 infol. pars II, pag. 132.—также въ заглавной картинѣ рукописнаго Русскаго Сборника XI вѣка (1073 года) съ изображеніемъ Великаго Князя Святослава Ярославича, его супруги и пятерыхъ его дѣтей. Сія рукопись принадлежитъ Воскресенскому Монастырю.

(21) Фанъ-Брюнъ въ путешествіи своемъ по Россіи, во время Петра Великаго, описывая и представляя въ лицахъ Русскую одежду барынь и барышень, говоритъ между прочаго: « браслеты или украшенія рукъ, ко« торыя опускаются у нихъ на самыя пясти (или кисти рукъ) называютъ sarokavie, *зарукавье*. » Corneille le Brun etc. Voyages etc. par la Moscovie etc. Amsterdam. 1718 infol. tom. I, pag. 48.

Всѣ сіи предметы находятся въ числѣ сокровищъ, открытыхъ въ земляномъ валу близъ села Старой Рязани.

Изъ вышеизложенныхъ соображеній нѣтъ никакаго сомнѣнія, что всѣ сіи драгоцѣнныя вещи составляли въ свое время богатое убранство Княжескаго мужескаго и женскаго Русскаго одѣянія. Но какимъ образомъ многія изъ сихъ вещей были носимы, къ какому точно времени, какимъ Князю и Княгинѣ онѣ принадлежали, и по какому случаю сіе сокровище зарыто было въ землю, сихъ вопросовъ нельзя утвердительно рѣшить по слѣдующимъ причинамъ: 1.) На цѣхъ вещахъ нѣтъ никакого означенія года или извѣстнаго какого либо Княжескаго имени. 2.) Въ Лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые бы могли указать на вѣрное средство къ открытію сей тайны. Хотя Лѣтописцы часто упоминаютъ о разореніи Рязанскаго Княжества и самаго города Рязани, но все это весьма кратко и безъ всякихъ подробностей. Слѣдственно сіи драгоцѣнныя вещи не могутъ служить къ подтвержденію или къ объясненію какого либо извѣстнаго историческаго событія. — Наконецъ 3.) за неимѣніемъ обстоятельныхъ поколѣнныхъ росписей всѣхъ Удѣльныхъ нашихъ Князей, съ именами ихъ Княгинь и Княженъ, нельзя даже предположить по соображенію трехъ женскихъ именъ Святыхъ Угодницъ, написанныхъ финифтью на нѣкоторыхъ изъ найденныхъ золотыхъ

блихъ съ каменьями и жемчугами, а именно: Святыхъ Прины, Варвары, Маріи или Марины; нельзя (говорю я) примѣрно даже предположить, кому сіе сокровище могло принадлежать. — Одно только съ нѣкоторою вѣроятностію заключить можно, что сіи драгоцѣнныя вещи зарыты были въ землю владѣтелями или похитителями оныхъ, во время какого либо событія несчастнаго для Князей Рязанскихъ.

И такъ обрѣтеніе сего богатаго клада доселѣ никакой пользы Россійской Исторіи принести не могло; но въ отношеніи къ стариннымъ нашимъ обычаямъ, обрядамъ, одѣянію и убранствамъ, оно весьма любопытно; а для художниковъ, изображающихъ одѣянія бывшихъ Русскихъ Великихъ Князей и Царей — оно безцѣнно! — На сей конецъ прилагаются при семъ, какъ обстоятельное описаніе богатыхъ старинныхъ вещей найденныхъ близъ села Старой Рязани и самыя подробныя и вѣрныя ихъ изображенія въ лицахъ, такъ и свѣдѣнія о другихъ предметахъ, могущихъ служить объясненіемъ моихъ предположеній.

Я почту себя совершенно счастливымъ, если симъ малымъ опытомъ въ описаніи древностей Россійскихъ принесу нѣкоторую пользу Художеству и Художникамъ, и тѣмъ хотя нѣсколько оправдаю Всемилостивѣйшее ко мнѣ довѣріе-незабвенной памяти Государя Императора Александра I-го.

V.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ, ИЗОБРАЖЕННЫХЪ ВЪ ПРИЛОЖЕННЫХЪ ПРИ СЕМЪ СЕМИ РИСУНКАХЪ.

РИСУНКИ ИЛИ ДОСКИ:

No. 1. Заглавный рисунокъ представляетъ, подъ литерою А, обликъ или портретъ Царя Алексѣя Михайловича. Онъ срисованъ съ подлинника въ уменьшенномъ видѣ (въ половину;) подлинникъ же находится въ старинной Рукописи XVII вѣка, выше сего упомянутой въ концѣ Вступленія къ сему Извѣстію.

Сія книга писана скорописью, тѣмъ почеркомъ, который показанъ въ низу Россійскаго герба. Она *сострѡена*, какъ сказано въ ея титулѣ, въ $\overline{\rho\Pi}$ — въ 180 году, т. е. въ 7180-мъ отъ сотворенія міра, или въ 1672 году отъ Рождества Христова, слѣдственно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сказанная рукопись содержитъ въ себѣ около ста картинъ, писанныхъ водяными красками, въ томъ числѣ: *двѣ* титульныя, *тридцать* образовъ Великихъ Князей и Царей Русскихъ, списанныхъ съ существовавшихъ когда портретовъ, начиная, какъ кажется, съ Царя Іоанна Васильевича Грознаго; портреты же предшествовавшихъ ему Государей Русскихъ составлены живописцемъ по преданіямъ весьма невѣрнымъ, судя по портрету Святослава

Игоревича, какъ выше сего было сказано; *двѣнадцать* рисунковъ или картинъ представляютъ гербы тогдашняго Царскаго титула; *одинъ* рисунокъ изображаетъ пять образовъ; за онымъ слѣдуютъ *тринадцать* рисунковъ съ портретами Россійскихъ Патріарховъ и *двадцать два* рисунка, довольно искусно сдѣланныхъ, изображаютъ портреты иностранныхъ современныхъ Государей, начиная съ Папы Римскаго и оканчивая Богдыханомъ Китайскимъ. Къ симъ портретамъ присовокуплены *шестнадцать* рисунковъ съ гербами разныхъ Европейскихъ Государствъ.

Портретъ Царя Алексѣя Михайловича прилагается здѣсь для показанія формы *бармъ*, носимыхъ на нѣкоторомъ родѣ круглаго воротника или оплечія, сверхъ *становыхъ кафтановъ*, также большихъ золотыхъ *пуговицъ* (боченками или оливками), которыми застегивались полы сего платья.

Подъ литерою B показана серебряная кольчуга, хранящаяся также въ Московской Оружейной Палатѣ. Она украшена серебряными позолоченными бляхами на подобіе бармъ.

Литера C изображаетъ такъ называемыя, Мономаховы бармы, срисованныя съ подлинниковъ въ Московской Оружейной Палатѣ Г. Художникомъ Солнцевымъ. Онѣ здѣсь представлены, какъ будто начерченныя на листѣ бумаги.

Подъ литерою D изображенъ гербъ Россійскій, вре-

менъ Царя Алексѣя Михайловича, а подъ литерою Е почеркъ того же времени.

No. 2. Сей рисунокъ служитъ титульною картиною; въ немъ, подъ литерами А и В, представлена въ уменьшенной нѣсколько мѣрѣ (въ $\frac{5}{4}$) серебряная позолоченная панагія Митрополита Аверкія, временъ Царя Михаила Ѳедоровича.

Литера А изображаетъ переднюю часть сей панагіи. Она украшена по краямъ 12-ю драгоцѣнными камнями, вставленными въ ячейки, и 11-ю жемчужинами, насаженными на позолоченную проволоку. Вокругъ образа Спасителя, вырѣзаннаго обронною работою, на крѣпкомъ камнѣ (на сердоликѣ,) сдѣланъ небольшой окладъ или рамочка золотая. Вокругъ сего образа видны позолоченныя петелки, къ коимъ прикрѣплена проволока, на которой нанизанъ былъ утраченный жемчугъ. Вокругъ сего ободка имѣется широкая позолоченная рама; на ней обронною же работою въ особыхъ рамочкахъ представлены 12-ть Апостоловъ, изъ коихъ четыре Евангелиста означены однѣми ихъ принадлежностями. На верху панагіи придѣлана вызолоченная подвѣска съ петлею или шарниромъ, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, также обронною работою. Къ сей подвѣскѣ прикрѣплена цѣпь серебряная вызолоченная, на которой сію панагію носили на шеѣ.

Къ такой-же кажется подвѣскѣ прицѣплены были большія бляхи, найденныя при Старой Рязани, тѣ са-

мыя, которыя изображены на рисункѣ No. 3, подъ литерами C и D. Сіи подвѣски показаны здѣсь гадательно, въ рисункѣ No. 3, подъ литерами M и N.

B. — Исподняя гладкая часть панагіи Митрополита Аверкія. Въ ней имѣются два отверстія, сверху и снизу, для помѣщенія мощей во внутренности панагіи. У сихъ отверстій были дверцы на петляхъ и съ крючками, которыя по видимому утратились. Въ срединѣ сей золотой исподней части въ особомъ кружкѣ вырѣзана однѣми чертами гора Голгоѳа; подъ нею мертвая или Адамова голова, а надъ нею водруженъ осьмиконечный крестъ. Съ обѣихъ сторонъ онаго вонзены копье и трость съ губкою. Сзади креста изображено строеніе въ два жилья, долженствующее представлять Іерусалимъ. Надъ крестомъ вырѣзаны слѣдующія слова: *Царь Славы*, а ниже сего: Іисусъ Христосъ побѣждаетъ.

По бокамъ, около сего кружка, имѣется слѣдующая надпись, обронной работы полу-уставомъ:

« Лѣта ҂з҃р҃л҃о҃ (22). Ноября въ к҃ѕ҃ день (23.) При « державѣ благовѣрнаго Царя и Великаго Князя Михаи- « ла Ѳедоровича всеа Русіи и при Свѣтейшемъ Патріар- « хе Ѳиларете Никитиче Московскомъ и всеа Русіи по

(22) Т. е. 7139 отъ с. м. или 1631 отъ Р. Х.

(23) 26 числа Ноября.

« повелѣнію ихъ (24.) Государскаго богомольца Верей-
« скаго Митрополита Аверкія. »

C. — Наперсный складный мѣдный крестъ, найденный на Куликовскомъ полѣ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ въ подвѣскѣ D осьмиконечнаго креста на Голгоѳѣ, а на самомъ крестѣ Распятіе, къ которому летятъ два Ангела. На верхней перекладинѣ креста вырѣзаны слова подъ шипцами: *Царь Славы*, а на большой перекладинѣ, у рукъ: IC. XC. *Іисусъ Христосъ*. По правой сторонѣ Христа изображена Богоматерь, а съ лѣвой возлюбленный Ученикъ его Іоаннъ, оба по поясъ, а за ними въ ростъ стоятъ двѣ Святыя безъ именъ. Внизу подъ Распятіемъ находится поясный образъ Николая Чудотворца.

D. — Топъ же крестъ, открытый, чтобъ показать, гдѣ клались части мощей, или молитвы. Литера E показываетъ привѣску или петлю, сквозь которую продѣвали снурокъ или цѣпочку, для ношенія креста на шеѣ. Сей крестъ присланъ ко мнѣ въ 1821 году бывшимъ Тульскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Графомъ Васильевымъ.

Панагія Митрополита Аверкія, найденная Г. Художникомъ Солнцевымъ въ Рождественскомъ монастырѣ города Владиміра, представлена здѣсь для соображенія съ употребленіемъ, которое можно присвоить выше-

(24) Здѣсь чеканщикъ весьма плохо сдѣлалъ литеру *х*, такъ что ее можно принять за *к*.

помянутымъ большимъ бляхамъ C и D. По видимому заключить должно, что онѣ употреблялись при Велико-Княжеской одеждѣ, въ родѣ шѣхъ большихъ крестовъ, которые Цари и Царицы наши носили сверхъ бармъ и становыхъ кафтановъ, какъ-то усматривается въ портретѣ Царя Алексѣя Михайловича (рисунокъ или доска: No. I, литера A). Можетъ быть, что одна изъ сихъ большихъ бляхъ принадлежала Великому Князю Московскому или Рязанскому, а другая его Княгинѣ.

Мѣдный крестъ приведенъ здѣсь въ доказательство тому, что форма подвѣсокъ, на которыхъ прицѣплены бляхи, найденныя въ Старой Рязани, были въ обычаѣ около XIV вѣка, между тѣмъ какъ въ XVII столѣтіи онѣ форму свою измѣнили, какъ то доказываетъ подвѣска у панагіи Митрополита Аверкія.

No. 3. Сей рисунокъ представляетъ часть драгоцѣнныхъ вещей, найденныхъ близъ села Старой Рязани, а именно: одну изъ двухъ самыхъ большихъ двойныхъ золотыхъ бляхъ, съ пустотою внутри и съ отверстіемъ въ оную, при выемкѣ на верхней части сихъ бляхъ. Подлѣ сей выемки придѣланы ушки золотыя, (литеры: *b*,) для привѣшиванія бляхъ на снурки или цѣпочки, посредствомъ скобы NB или особыхъ привѣсокъ, въ тѣ ушки продѣтыхъ. Но сихъ привѣсокъ, кажется, не отыскалось; ибо двѣ подвѣски золотыя: A и B сканой работы, съ малыми образами и съ ходячею сквозь нихъ

золотою проволокою, загнутою съ обоихъ концовъ ушками, литеры: *a*, не могли къ тому служить.

Сіи большія бляхи украшены съ одной стороны драгоцѣнными и весьма крупными камнями, посаженными въ высокіе золотые ячейки (E и G), прикрѣпленныя къ бляхамъ посредствомъ золотой подъ ними скани (H и I). Жемчугъ нанизанъ на проволоку золотую и прикрѣпленъ сю къ особымъ на то сдѣланнымъ золотымъ пепелькамъ или ушкамъ, литеры *c*.

Съ другой стороны бляхъ имѣется по одному образу, на финифти писанному. Сіи два образа представляютъ, кажется, Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба (какъ выше сего было сказано). — Хотя при нихъ и не находится обыкновенной надписи именъ, но судя по вѣнчикамъ около головъ, по одѣянію ихъ, по Русскимъ шапкамъ и по Мученическимъ крестамъ въ рукахъ, съ нѣкоторою вѣроятностію можно сіи лики признать за Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба. Вмѣсто именъ поставлены какіе-то большіе цвѣтки или не весьма понятныя украшенія, на финифти писанныя. Вокругъ каждаго безъименнаго образа, окладецъ украшенъ 6-ю золотыми ячейками, на сканой работѣ.

Подъ литерами: A B, двѣ привѣски или подвѣски золотыя (можетъ быть къ сергамъ) сканой сквозной работы, украшенныя маленькими образами Святыхъ безъ именъ, писанными на финифти, по четыре на каждой подвѣскѣ; сквозь сіи подвѣски продѣты подвижныя золотыя про-

волоки, съ ушками на каждомъ концѣ. Посредствомъ оныхъ сіи подвѣски могли прицѣпляться къ сергамъ. Изъ нихъ на одной утрачено 3 образа, а на другой 2.

C. Изображеніе большой двойной бляхи со стороны образа.

D. Та же со стороны драгоцѣнныхъ камней.

E. Та же бляха бокомъ со стороны выемки.

F. Та же бляха со стороны однихъ драгоцѣнныхъ камней, съ показаніемъ при ея выемкѣ ушковъ или петелекъ (подъ литерами: *b*), сквозь которыя проходили, можетъ быть, верплюги особыхъ подвѣсокъ или скобъ NB, для привѣшиванія бляхъ на цѣпи золотыя, или же продѣвался на шопъ же конецъ снурокъ золотой. Литеры *c* показываютъ петли съ боку, за которыя прикрѣплялась проволока съ насаженнымъ на нее жемчугомъ.

Здѣсь подъ NB предположена фигура скобки, за которую можно было привѣшивать сіи большія бляхи на цѣпь золотую. Въ семъ же рисункѣ подъ литерами: M и N показана гадапіельно подвѣска съ двухъ ея сторонъ, въ видѣ той, что у панагіи Митрополита Аверкія, подъ литерою D, для привѣшиванія большихъ бляхъ съ образами, показанныхъ подъ литерами C и D.

G. Одна большая бляха бокомъ, съ гладкой стороны.

H. Узоръ сканой работы на большихъ бляхахъ со стороны драгоцѣнныхъ камней D.

I. Таковой же узоръ со стороны образовъ С.

К. Верхняя часть подвѣсокъ къ сергамъ.

L. Нижняя ихъ часть.

No. 4. Въ семъ рисункѣ изображены бляхи, украшенныя съ одной стороны Образами, осыпанными драгоцѣнными камнями, а съ другой имѣющія гладкой только золотой листъ. Тутъ же представлены и крестики яшмовые.

А. Образъ Святой Великомученицы *Варвары*, писанный на финифти. На золотомъ его полѣ вырѣзана слѣдующая Греческая напись: ˜Θ (*ο αγια*) варо҃вара. Тутъ, кажется, ошибкою мастера, поставлено ˜Θ подъ титломъ между первымъ складомъ *Вар*, и вторымъ таковымъ же.

В. Такая же бляха съ изображеніемъ Св. Ирины, которой имя ошибкою мастера вырѣзано слѣдующимъ образомъ: ˜Θ (*ο αγια*) — орина, т. е. *Орина* вмѣсто *Ирина*.

Сіи двѣ ошибки въ правописаніи, и особливо послѣдняя по нарѣчію Русскому, въ которомъ и нынѣ простолюдины говорятъ: *Орина* и *Арина*, вмѣсто *Ирина*, доказываютъ, что мастеръ, дѣлавшій сей золотой приборъ, былъ родомъ Русской (25).

---

(25) Въ старину: *Андрей* — писали иногда: *Ондрей* или *Ѡндрей*. На остріѣ рогатины Тверскаго Великаго Князя (которой рисунокъ вскорѣ будетъ изданъ) на оправѣ серебряной вырѣзано: *рогатина В. К. Бориса Ѡлександровича*.

*

С. Небольшая овальная бляха, съ одной стороны гладкая, а съ другой образъ на финифти писанный, представляющій Распятіе, подлѣ котораго стоятъ съ правой его стороны Богоматерь, а съ лѣвой Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Съ боковъ у верхней части осмиконечнаго креста изображены два Ангела по поясъ. На самомъ верхнемъ концѣ креста вырѣзаны на золотомъ полѣ двѣ буквы, на правой несомнѣнно литера С, а на лѣвой Русская литера Ж. Сіи начальныя литеры могутъ означать: *Святый Животворящій—Крестъ* подразумѣвается подъ изображеніемъ онаго. Вотъ новое доказательство, что сіи драгоцѣнныя вещи принадлежатъ къ Русскому издѣлію. Подъ сими литерами, на малой перекладинѣ креста, написано имя Спасителя — сокращенно: І. С. — Х. С. — Съ обѣихъ сторонъ креста, подлѣ Распятія, начертана на финифти слѣдующая надпись, по старинному Греческому обычаю, какъ и всѣ надписи на прежде помянутыхъ образахъ; т. е., что литеры расположены не въпродольную или горизонтальную строку, а сверху внизъ, вертикально. Надпись на правой сторонѣ отъ Распятія гласитъ: ΙΔΟΥΟΗΟΣΟΥ, *се Сынъ Твой*, а на лѣвой: ΙΔΟΥΗΜΡΣΟΥ, *се Мати Твоя* (слово *Мать*, поставлено подъ титломъ, а въ послѣднемъ словѣ, вмѣсто ОУ — поставленъ в).

Вокругъ сего образа, имѣющаго продолговатый и нѣсколько квадратный видъ, сдѣланъ изъ сканаго золота окладъ, украшенный въ свое время 12-ю жемчугами, изъ

коихъ оспалось только 4, прочіе утрачены. Здѣсь должно замѣтить, что вообще весь жемчугъ (которымъ края или ободочки всѣхъ вообще бляхъ, подвѣсокъ, цѣпочки, пуговицъ и прочихъ убранствъ были украшены), находясь не глубоко зарытымъ въ землю, нѣсколько столѣтій сряду подверженъ былъ дѣйствію большихъ проникающихъ дождей и морозовъ, отъ чего жемчугъ несомнѣнно долженъ былъ изчезнуть.

Въ верхней части сего образа имѣются два ушка золотыхъ, составлявшихъ шарниръ съ ушками для подвѣски, которая по видимому утрачена.

Литеры D, означаютъ подвѣски золотыя, съ пройнымъ или пятернымъ шарниромъ, на которыхъ вѣроятно привѣшивались, или посредствомъ коихъ сіи бляхи, (какъ съ образами, такъ и безъ образовъ пришивались) на платьѣ. Сіи подвѣски спереди и съ боковъ украшены драгоцѣнными камнями.

Бляха E, размѣромъ больше пѣхъ, которыя означены литерами: AB. Образъ ея изображаетъ *Матерь Божію*, что доказывается Греческою ея сокращенною надписью: M͞P Θ͞Y, т. е. *μητηρ θεου*. — Окладъ сего образа сканой работы, украшенъ 18-ю золотыми ячейками.

E. Маленькой золотой образокъ, съ изображеніемъ Святой, у которой положеніе рукъ совершенно сходно съ Богородицею; но надпись такъ сбивчива, что нельзя утвердительно сказать, должно ли ее читать ἁ (*αγια*) MAPHA или MAPHNA.

Окладецъ образа былъ въ свое время украшенъ жемчугомъ, который нынѣ весь изчезъ.

G. Гладкая сторона всѣхъ бляхъ вообще, кромѣ первыхъ двухъ большихъ.

H. Очеркъ образовъ, изображенныхъ на двухъ первыхъ большихъ бляхахъ.

Сказанные образа сходны съ ликами Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, кромѣ того, что они оба представлены безъ бороды, между тѣмъ какъ Бориса пишутъ съ бородою, а Глѣба безъ оной, что доказывается здѣсь вѣрнымъ подражаніемъ оттисковъ съ рѣзныхъ на деревѣ картинъ, находящихся въ печатной старинной книгѣ временъ Царя Алексѣя Михайловича. Сія книга сочинена Лазаремъ Барановичемъ, подъ названіемъ: *Проповѣди Слова Божіего* или *Трубы Словесъ Проповѣдныхъ на нарочитые дни Праздниковъ.* Образы Бориса и Глѣба находятся на оборотѣ (204) листа.

I. — Вѣрная прорись печатнаго изображенія изъ книги Лазаря Барановича, представляющая ликъ Св. Мученика Бориса съ надписью полу-Греческою и полу-Русскою, а именно: О А БОРІ — то есть (Святый) Борисъ.

K. — Подобная тому прорись изъ той же книги Св. Мученика Глѣба, съ надписью: О А ГЛѢБ — то есть: (Святый) Глѣбъ.

L. — Передняя сторона большаго яшмоваго креста

съ золотыми наконечниками съ 4-мя драгоцѣнными камнями. Въ верхнемъ наконечникѣ видны двѣ петли, въ которыя вкладывалась подвѣска.

M. — Тотъ же крестикъ съ боку.

N. — Тотъ же крестикъ сзади.

Въ семъ рисункѣ No. 4, привѣска D, при литерѣ F, ошибкою шупъ поставлена; она принадлежитъ къ крестику: L, M, N.

No. 5. A и B. — Двѣ бляхи большаго разбора, безъ образовъ, усыпанныя съ одной стороны драгоцѣнными камнями, а съ другой имѣющія гладкой золотой листъ. На каждой изъ сихъ бляхъ вставлено по одному большому камню; въ срединѣ бляхи и вокругъ онаго было по 8 средней величины, да между ними по 16 мелкихъ камней. Всѣ они обдѣланы въ золотые ячейки, укрѣпленныя въ скапую золотую работу. Изъ жемчуга, окружавшаго пѣ бляхи, въ цѣлости весьма мало осталось.

C. — Сія фигура показываетъ профиль шѣхъ самыхъ бляхъ и форму золотыхъ ячеекъ, въ которыя драгоцѣнные камни вставлены.

Литеры D, D означаютъ подвѣски съ шарнирами, придѣланныя ко всѣмъ бляхамъ для привѣшиванія или пристегиванія оныхъ къ платью.

E и F. Двѣ бляхи средней величины, безъ образовъ, точно такія же, какъ первыя двѣ; каждая имѣетъ по одному большому камню въ срединѣ; вокругъ было по 8 камней средней величины, а между ними по 16 малыхъ

камней. Литера F показываетъ гладкую сторону сихъ бляхъ.

No. 6. A. B. Двѣ бляхи мéньшей величины, безъ образовъ, точно такія, какъ прежнія. Въ срединѣ у нихъ вставленъ одинъ большой драгоцѣнный камень; вокругъ онаго средней величины было 8, а между ними 16-ть маленькихъ. — Всѣ въ золотыхъ ячейкахъ, укрѣпленныхъ въ сканую золотую работу.

C. — Гладкая сторона шѣхъ самыхъ бляхъ.

Подъ литерами: D. Подвѣски для привѣшиванія или пришивки бляхъ къ платью: спереди, сзади и съ бока.

E. — Запястіе или зарукавіе женское (браслетъ).

F. — Глухая его сторона.

G. — Открытая его сторона.

G. H. Открытый его замокъ.

I. K. — Замкнутый его замокъ.

L. — Цѣпочка золотая съ жемчугомъ.

M. — Къ ней перехватцы золотые.

N. — Привѣска золотая въ концѣ цѣпочки съ плоской стороны.

O. — Та же бокомъ или ребромъ.

No. 7. — Разныя мѣлочныя вещи, принадлежавшія къ богатымъ убранствамъ, найденнымъ близъ Старой Рязани.

A. Большая пуговица боченкомъ, или оливкою, изъ золотой сквозной скани, украшенная жемчугомъ и

драгоцѣнными камнями, всего по 4 ячейки на каждой.— Она представлена здѣсь съ боку, а подъ литерою:

B. — Сверху и снизу. Сего узора пуговицъ найдено всего 5.

C. — Подобная сему пуговица, но украшенная однимъ только жемчугомъ (котораго очень мало оспалось) и сканою золотою работою въ видѣ сквозныхъ чешуекъ.

D. — Таже пуговица сверху и снизу. Сего узора пуговицъ найдено 6.

E, F, G. — Маленькой яшмовой крестикъ съ золотыми наконечниками, представленный спереди, съ боку и сзади.

H. — Два перстня женскіе золотые, осыпанные драгоцѣнными камнями. Здѣсь одинъ изъ перстней представленъ сверху.

I. — Тотъ же съ боку.

K. — Тотъ же съ другаго бока.

L. — Подробности узора первыхъ пуговицъ подъ литерами: A и B.

M, N, N, N, N, M. — Разломанный золотый перстенекъ, съ вырѣзаннымъ на немъ цвѣткомъ.

O, P, Q, R. — Мелкая серебряная золоченая кованъ, для нашивки на богатыя платья. Во всѣхъ фигурахъ, изображающихъ разные роды кованъ, показаны дирки, посредствомъ коихъ пришивали ихъ къ узорчатымъ шканямъ.

S. — Петлица съ золотою пуговицею (боченкомъ,) срисованная съ платья на портретѣ, Князя Ивана Борисовича Репнина, временъ Царя Алексѣя Михаиловича.

T. — Другая петлица съ петлею для застегиванія полъ у того платья за пуговицы.

Сіи пуговицы здѣсь показаны, какъ и тѣ, которыя имѣются на станковомъ кафтанѣ Царя Алексѣя Михайловича (рисунокъ или доска No. 1,) для доказательства общаго ихъ употребленія, въ старинныя времена, въ Русскомъ одѣяніи.

U, V, W, Y, Z. — Продолженіе разныхъ фигуръ серебряной золоченной ковани, которая нашивалась на парчевыя и бархатныя платья и прикосновеніемъ другъ объ дружку производила тотъ пріятный шорохъ, о которомъ упоминаетъ Графъ Карлейль.

И такъ драгоцѣнныхъ вещей найдено при селѣ: *Старой Рязани*, всего:

1. — Большихъ круглыхъ двойныхъ бляхъ, съ одной стороны украшенныхъ образами, а съ другой драгоцѣнными крупными камнями . . 2.
2. — Средней величины круглыхъ бляхъ, съ одной стороны украшенныхъ образами, а съ другой покрытыхъ гладкими золотыми листами . . 3.
3 — Круглый образокъ съ ликомъ Св. Маріи или Марины . . . . . 1.
4. — Продолговатый образокъ съ изображеніемъ Распятія . . . . . 1.

5. — Большаго размѣра бляхъ, съ одной стороны усѣянныхъ драгоцѣнными камнями, а съ другой покрытыхъ гладкимъ золотымъ листомъ. 2.

6. — Тожъ средняго размѣра . . . . . 2.

7. — ——— малаго ——— . . . . . 2.

8. — Подвѣсокъ (можетъ быть) къ сергамъ съ образами . . . . . 2.

9. — Крестиковъ янтовыхъ въ оправѣ золотой. 2.

10. — Перстней женскихъ золотыхъ съ каменьями . . . . . 2.

11. — Перстенекъ изломанной золотой . . . . 1.

Этого перстенька въ Описи не было.

12. — Пуговицъ золотыхъ сканой работы (боченками) съ камешьями. Узоръ золотой ихъ скани подобенъ Кафинскимъ узламъ . 6.

Съ узоромъ въ видѣ чешуи съ жемчугами . . . . . 5.

——— 11.

13. — Цѣпочка золотая . . . . . 1.

14. — Запястье или браслетъ золотой . . . . 1.

15. — Ячеекъ на всѣхъ бляхахъ, подвѣскахъ, образахъ, перстняхъ, крестикахъ и пуговицахъ, всего . . . . . 525.

Сверхъ сего недостаетъ ячейки . . . . . 1.

16. — Въ нихъ уцѣлѣло драгоцѣнныхъ камней, всего . . . . . 283.

(Недостаетъ 43 камней.)

Во всѣхъ вышепоказанныхъ вещахъ оказалось вѣса: 5 ф. $92\frac{1}{2}$ зол., $\frac{1}{2}$ золотника болѣе, нежели показано было въ Описи, вѣроятно, отъ прибавленія изломаннаго перстенька, или отъ новаго развѣса.

17. — Серебряной позолоченной кованы:

(въ рисункѣ No. 7.)

Подъ литерами.		Счетомъ.	Вѣсомъ золотн.
O. —	Пуговками	1,260	— 19.
P. —	Рожками	225	— 13.
Q. —	Трехконечниками	3	
R. —	Квадратиками	8	— 1.
U. —	Большими зернами	2	
V. —	Небольшими зернами	104	— 4.
W. —	Большими сердечками ломаныхъ шпукъ	40	— 8.
Y. —	Боченками	10	— 7.
Z. —	Зернъ ободочками	93	

Всего 1.745 шпукъ, вѣсомъ 52 зол.

Въ сей кованы было вѣсу по Описи . . . 79 —

По очищеніи оной отъ сору и земли оказалось только . . . . . 52 —

Въ нечистотѣ было . . . . . 27 —

VI.

СВѢДѢНІЯ О ВРЕМЕНИ ПРИСОЕДИНЕНІЯ РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА КЪ МОСКОВСКОМУ ЦАРСТВУ И О РАЗРУШЕНІИ СТАРОЙ РЯЗАНИ (26).

A. — *О времени присоединенія Рязанскаго Княжества къ Державѣ Московской можно почерпнуть извѣстія изъ двухъ достовѣрныхъ источниковъ.*

1.) Въ I части Собранія Государственныхъ Грамотъ, изданныхъ Графомъ Румянцовымъ, помѣщены двѣ грамоты: a.) жалованная 1514 года, въ коей Великій Князь Московскій, Василій Іоанновичь, называетъ себя, между прочимъ, Княземъ Рязанскимъ; b.) договорная грамота 1531 года, гдѣ сей же Государь говоритъ, что Отецъ благословилъ его Москвою, Владиміромъ и проч., а Богъ далъ ему въ отчину Смоленскъ и Рязанское Великое Княжество.

(см. Собр. Госуд. Гр. часть I. стр. 411 и 444)

2.) Баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ, пишетъ:

«Близъ Оки находится деревянный городъ Рязань. Нѣкогда была тамъ крѣпость Ярослава (jaroslaua;) теперь остались одни только признаки оной. Недалеко отъ сего города Ока образуетъ островъ, который на-

(26) Сіи свѣдѣнія доставлены мнѣ Переводчикомъ Маржерета (на Русскій языкъ) Г. Устряловымъ, и съ дозволенія его присоединяются къ моему Извѣстію, какъ весьма основательныя и любопытныя изслѣдованія.

зывается *струбъ* (strub.) Рязань отстоитъ отъ Москвы на 30 Нѣмецкихъ миль.

« Прежде княжилъ въ Рязани Великій Князь Василій, имѣвшій за собою сестру Государя Московскаго Іоанна Васильевича. По смерти Василія остались два сына: Іоаннъ и Ѳеодоръ; старшій вступилъ на престолъ. У Іоанна (Рязанскаго) были при сына: Василій, Ѳедоръ и Іоаннъ. Василій и Ѳедоръ по смерти отца поссорились за Княжеское достоинство и вели войну между собою; одинъ палъ въ битвѣ на поляхъ Рязанскихъ; вскорѣ умеръ и побѣдитель. Въ память сего происшествія воздвигнутъ деревянный крестъ. Младшій, вступивъ на престолъ и присвоивъ правленіе, находившееся дотолѣ въ рукахъ матери, рѣшился быть самодержавнымъ и не хотѣлъ покорствовать Князю Московскому, слѣдуя примѣру своихъ предковъ, которые всегда были независимы. Между тѣмъ Государь Московскій, свѣдавъ, что Іоаннъ ищетъ руки дочери Хана Крымскаго, его непріятеля, требовалъ къ себѣ Князя Рязанскаго. Сей послѣдній отъ страха долго не соглашался ѣхать къ Василію; наконецъ уговоренный Симеономъ Крубинымъ, однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ совѣтниковъ, отъ отправился въ Москву, гдѣ былъ посаженъ въ темницу. Послѣ того Великій Князь Московскій заключилъ мать Іоаннову въ монастырь и покорилъ своей власти все Княжество Рязанское; (37) а чтобы жители онаго не взбунтовались,

(27) Это случилось, по извѣстію Архангелогородской Лѣтописи, въ 1517 году; въ другихъ Лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова.

разселилъ ихъ по разнымъ городамъ и селамъ, отъ чего Княжество Рязанское ослабѣло и совершенно упало. Когда же Татары въ 1521 году приступили къ Москвѣ, Іоаннъ во время смятенія бѣжалъ изъ темницы въ Литву, гдѣ и теперь (то есть, во время Герберштейна) скитается въ бѣдствіи и злосчастіи.» (см. Commentar. de reb. Mosc. въ Нѣмецкомъ переводѣ 1567 года, стр. 72 и 73).

Слѣдовательно, хотя Русскіе Лѣтописцы, исключая Архангелогородскаго, не упоминаютъ о присоединеніи Рязани къ Москвѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что независимое существованіе Великаго Княжества Рязанскаго прекратилось при Василіѣ Іоанновичѣ; когда же именно, рѣшить трудно, только прежде 1517 года.

Б. — *О времени совершеннаго разрушенія Старой Рязани упоминается въ слѣдующихъ Сочиненіяхъ.*

1.) Въ Географическихъ Словаряхъ, Щекатова и Всеволожскаго сказано: что сей древній городъ разрушенъ Татарами въ 1568 году; что онъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Старая Рязань (лежащее въ 50 верстахъ отъ Губернскаго города,) и что нынѣшняя Рязань называлась Переяславлемъ Рязанскимъ до учрежденія Губерній, когда Екатерина II повелѣла оный переименовать.

Извѣстія о разрушеніи Рязани Татарами въ 1568 году въ лѣтописяхъ нѣтъ, можетъ быть потому, что послѣдніе годы царствованія Іоанна IV описаны въ

нашихъ Лѣтописяхъ весьма недостаточно, съ большими пропусками. Карамзинъ также не говоритъ ничего о семъ событіи.

Щекатовъ и Всеволожскій основались, кажется, на словахъ Пеирея и Олеарія.

Пеирей, бывшій въ Россіи въ 1608 году, пишетъ: «Въ 1568 году свирѣпые Татары опустошили въ конецъ область Рязанскую; но какъ сія страна плодородіемъ превосходила всѣ прочія области, и прежде доставляла Государямъ доходъ весьма значительный, то Великій Князь, по удаленіи Татаръ, переселилъ въ оную изъ другихъ областей множество народа» (Chron. Moscow. 1620 стр. 48).

Олеарій, пріѣзжавшій въ Россію въ 1634 и 1636 годахъ, повѣствуетъ: «Рязань прежде была Столицею Княжества Рязанскаго. Въ 1568 году Крымскіе Татары вторглись въ Россію, опустошили ее огнемъ и мечемъ и разрушили Рязань до самаго основанія. Но какъ страна Рязанская прежде была весьма изобильна (о чемъ справедливо говорятъ Пеирей и Гваньини), то Царь переселилъ въ оную изъ другихъ областей множество народа, и велѣлъ построить изъ развалинъ разрушенной Рязани новый городъ, въ 8 Нѣм миляхъ отъ прежняго, тамъ, гдѣ нынѣ Переяславль. Сей новый городъ названъ былъ Переяславлемъ Рязанскимъ, потому что большая часть жителей переселилась туда изъ Переяславля, который находится въ такомъ же раз-

стояніи отъ Москвы къ Сѣверу, въ какомъ Новая Рязань къ Югу. Moscow. Reisebeschr. изд. 1671 стр. 335.

Старая Рязань дѣйствительно могла быть разорена (впрочемъ не совсѣмъ, какъ ниже увидимъ) около того времени, именно въ 1572 году, когда Ханъ Крымскій Девлетъ Гирей, при нечаянномъ нападеніи на Москву, опустошилъ все пространство по берегамъ Оки. Но извѣстіе Олеарія, будто бы вскорѣ по удаленіи Хана основанъ Переяславль Рязанскій, — несправедливо: о семъ городѣ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ 1340 году (Софійс. Врем. ч. 1. стр. 323.) Сверхъ того въ договорной грамотѣ, заключенной въ 1433 году Великимъ Княземъ Рязанскимъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Княземъ Галицкимъ (Собр. Госуд. Грам. ч. 1. стр. 96.) главными городами Рязанскаго Княжества названы Переяславль и Пронскъ. Тоже подтверждаетъ и договорная грамота 1483 года, въ коей отчиною Великаго Князя Рязанскаго (уже въ смыслѣ Столицы) названъ Переяславль (Собр. Госуд. Гр. 1. 281.) И едва ли со временъ Олега (соперника Донскаго) Переяславль не былъ столицею Рязанскаго Княжества, вмѣсто полуразрушенной Рязани: по крайней мѣрѣ это было въ 1496 году, когда два брата раздѣлили между собою Княжество Рязанское: старшій братъ (съ именемъ Великаго Князя), Иванъ Васильевичь, взялъ себѣ Переяславль, Ростиславль и Пронскъ, а младшій съ титломъ Удѣльнаго Князя, получилъ *Рязань Старую* и *Переви-*

тескъ (Собр. Госуд. Гр. 1. 320.) Тутъ говорится уже о Рязани Старой; подъ именемъ Новой разумѣли вѣроятно Переяславль, потому, что названіе Новая Рязань нигдѣ не встрѣчается.

Изъ лѣтописей видно:

Въ 1210 году Великій Князь Всеволодъ сжегъ Рязань, *расточивъ* женъ и дѣтей по городамъ (Соф. Врем. I. 217.)

Въ 1237 году Татары снова ее разгромили: взяша градъ Рязань и *пожгоша весь*) Никон. Лѣт. ч. 2. стр. 372.)

Въ 1460 году Ахматъ приступалъ къ *Рязани* и стоялъ подъ нимъ 6 дней; но не могъ овладѣть ею. — Такъ сказано въ Софійскомъ Временникѣ ч. II. стр. 80. Въ Никоновской: приступалъ къ Переяславлю Рязанскому, V. 287.

Въ 1494 году. Погорѣ градъ *Разань* весь. (Соф. вр. II. 246. — Никон. VI. 138.)

Въ 1521 году. Царь Татарскій сжегъ *Великаго Князя города Рязань* и Коломну.

Въ книгѣ Большаго Чертежа, составленной при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, упоминаются города: Переяславль Рязанскій и Старая Рязань; оба сіи города означены и на ландкартѣ, изданной въ 1614 году Гесселемъ Герардомъ, сочиненной Ѳеодоромъ Борисовичемъ, сыномъ Годунова.

Въ разныхъ грамотахъ и Указахъ 17 столѣтія

говорится объ одной Рязани, безъ объясненія, разумѣли ли подъ симъ именемъ Переяславль. или Старую Рязань?

Наконецъ въ 1708 году имя Старой Рязани, какъ города, уже не упоминается: ибо въ Указѣ сего года, когда учреждены 8 Губерній, въ числѣ провинцій поименована Переяславская - Рязанская, съ главнымъ городомъ того же имени; въ числѣ же уѣздныхъ городовъ объ Рязани нѣтъ ни слова.

Изъ сего видно:

1.) Княжество Рязанское присоединено къ Московскому Государству при Василіѣ Іоанновичѣ прежде 1517 года.

2.) Городъ Старая Рязань существовалъ еще въ концѣ 16 столѣтія, т. е. послѣ 1568 года; обратился же въ село, вѣроятно, въ 1708 году.» (28)

« Симъ оканчиваются свѣдѣнія о присоединеніи « Княжества Рязанскаго и о разрушеніи Старой Рязани. « — Къ сему я присовокуплю слѣдующее съ моей сто- « роны заключеніе:

« 3) Изъ сихъ свѣдѣній усматривается, что городъ « Рязань, уповательно тотъ, который первоначально « основанъ былъ на мѣстѣ, нынѣ называемомъ: *Старая « Рязань*, подвергался разоренію (по извѣстіямъ, до « насъ дошедшимъ) не менѣе шести разъ, а именно: въ « 1210, въ 1237, въ 1460, въ 1494, въ 1521, въ 1568 и въ

(28) Послѣдняя статья въ Изслѣдованіяхъ Г. Устрялова.

« послѣдствіи уничтоженъ въ 1708 году. — Слѣдствен-
« но было довольно случаевъ, побуждавшихъ къ сокры-
« тію богатыхъ убранствъ, одежды и разной Княже-
« ской утвари; но при какомъ изъ сихъ случаевъ и кѣмъ
« именно, найденное въ Старой Рязани сокровище было
« зарыто въ землю, того рѣшительно опредѣлить не-
« возможно, пока не откроются новые историческіе по
« сему предмету источники, или другіе памятники тѣхъ
« самыхъ временъ и того самаго рода, съ означеніемъ
« на нихъ эпохи, или имени тѣхъ особъ, которымъ они
« могли принадлежать. »

ANTIQUITÉS RUSSES
DE RÉZANE.

EXTRAIT D'UNE NOTICE.

SUR D'ANCIENS ORNEMENS

DÉCOUVERTS EN 1822 PRÈS DU VILLAGE
NOMMÉ

VIEUX-RÉZANE,

faisant partie du costume des Grands-Ducs ou Tzars de Russie.

Traduit du russe,

REVU ET ENTIÈREMENT CORRIGÉ PAR M. LE CONSEILLER-D'ÉTAT ET PROFESSEUR

F. B. Charmoy.

« Il est dans les annales du moyen-âge, une « époque encore peu connue et bien digne de « notre intérêt. »

Gautier d'Arc, Histoire des conquêtes des Normands, etc. Paris 1830, in-8. Préface, pag. V.

SAINT-PÉTERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE DE Mme. VEUVE PLUCHART,
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ Маія 5 дня 1831 года.

Цензоръ Николай Щегловъ.

Aux Mânes sacrés

DE

Sa Majesté l'Empereur

ALEXANDRE I.

DE GLORIEUSE MÉMOIRE.

Par A. Olénine

C. P. A.

EXTRAIT

D'UNE

Notice sur d'anciens Ornemens

DÉCOUVERTS PRÈS DU VILLAGE NOMMÉ

LE VIEUX RÉZANE.

» Les monumens ne sont pas assez nombreux, pour qu'ils puis-
» sent suffire à tout éclaircir, et il faut des précautions extrêmes
» pour distinguer les faits vraiment certains d'avec ceux qui ne
» sont que probables. »

DEPPING ; *Histoire des Expéditions maritimes des Normands etc.* Paris 1826, in-8. Tom 1er disc. prel. p. ij.

I.

INTRODUCTION.

Dans le courant de l'année 1824, S. M. l'Empereur *Alexandre*, de glorieuse mémoire, daigna me charger du soin de veiller à la confection des dessins, qui, conformément à ses ordres, devaient être exécutés avec la plus grande fidélité, d'après les riches ornemens ou joyaux trouvés près du village connu sous le nom de Vieux-Rézane.

S. M. me recommanda en même tems de me livrer à toutes les recherches nécessaires, *pour constater l'usage primitif de ces joyaux, et pour déterminer le prince auquel ils pouvaient avoir appartenu.*

Quelque flatteuse que fût pour moi la commission dont S. M. voulut bien m'honorer, je n'ai pas eu le bonheur

de résoudre d'une manière satisfaisante la derniere de ces questions, attendu que les ornemens susmentionnés ne portent aucune peinture, ciselure, empreinte ou inscription propre à rappeler un fait quelconque de l'histoire de Russie, ou un personnage qui a joué quelque rôle dans les fastes de notre patrie. (1).

Les longues investigations que nécessitait la solution des deux points du problème ci-dessus énoncé, jointes au motif que j'alléguerai plus bas, ont retardé l'exécution du travail que Sa Majesté avait daigné me confier.

Pour dessiner avec toute la justesse et la fidélité nécessaires les beaux ouvrages de l'antiquité ou les produits de l'industrie des siècles passés et des différentes nations du globe, il est indispensable qu'un artiste se crée un faire tout particulier.

Son coup d'œil doit principalement s'habituer à saisir toutes les nuances qui forment le caractère distinctif de ces objets ; sinon, le plus beau dessin ne pourra jamais

---

(1) Les recherches que j'ai faites par ordre de feu l'Empereur Alexandre Ier afin de découvrir à quel personnage historique peut avoir appartenu le casque trouvé en 1807 près de la ville d'Yourïeff-Polskoï, ont amené un résultat plus satisfaisant. Le lieu où a été trouvée cette riche armure et les images de saints en vermeil qui ornent encore les précieux débris de ce casque, m'ont paru prouver d'une manière irrécusable qu'il avait appartenu à Yaroslaf Wséwolodowitsch, père d'Alexandre Newsky. J'exposerai les preuves sur lesquelles est basée cette conjecture, dans un essai que je me propose de publier sur ce casque, et que je ferai suivre d'une description circonstanciée du combat de Lipetsk en 1216, et de celle de la bataille de Bouvines en 1214, pour démontrer l'analogie existante entre les usages et les coutumes des diverses nations à différentes époques.

remplir le but que l'on doit se proposer dans un travail de ce genre, et qui consiste surtout à offrir aux regards des savans qui se vouent à l'étude des mœurs et des usages des siècles passés, une image fidèle des objets, sans rien y ajouter ni corriger et en évitant de les embellir ou d'en omettre les moindres imperfections ou irrégularités, de manière à fournir à ces antiquaires un moyen sûr et infaillible de les analyser et de préciser la nation et le siècle auxquels ils peuvent avoir appartenu, l'usage auquel ils étaient employés, et quelquefois même la personne à laquelle ils étaient destinés. L'artiste qui, en fait d'arts d'imitation, se voue à un travail de ce genre, ne peut donc être qu'une espèce de peintre de portraits, qui prend à tâche de reproduire avec l'exactitude la plus scrupuleuse toutes les perfections et les difformités par lesquelles ces objets se distinguent.

Telles sont les raisons pour lesquelles on ne saurait employer en pareil cas le premier peintre qui se présenterait, puisque le plus habile est souvent obligé de se livrer à de longues études préparatoires pour se former dans cette partie.

Après avoir mis à l'épreuve les talens de plusieurs dessinateurs, je suis enfin parvenu depuis peu à découvrir, dans la personne de M Sontzoff, digne élève de l'Académie des Beaux-Arts de St.-Pétersbourg, toute la capacité requise pour ce genre d'occupation.

Sa Majesté l'Empereur daigna (sur la proposition de

S. E. Mr. le Ministre de la maison Impériale, m'autoriser à envoyer cet artiste à Moscou, pour y copier avec toute l'exactitude possible les anciennes armures russes, les joyaux, les parures et les ustensiles dont nos ancêtres faisaient usage, ainsi que leurs costumes et les attributs de nos Tzars, déposés au Musée de cette capitale. Ce grand travail, dont M. Sontzoff a été chargé dans la seule ville de Moscou, joint aux dessins qui seront exécutés dans les autres villes, les plus anciennes de l'Empire; serviront un jour de matériaux pour la composition d'un cours complet d'archéologie, consacré à la description des mœurs et des coutumes des anciens Russes, et destiné à l'usage des artistes tant étrangers qu'indigènes.

Voulant avant le départ de M. Sontzof, mettre son habileté à l'essai, je lui confiai le soin de dessiner le plus fidèlement qu'il lui serait possible les riches joyaux trouvés près du village nommé *Vieux-Rézane.* Il remplit cette tâche avec le zèle le plus actif et le talent le plus distingué.

Je l'engageai donc, à son retour de Moscou, à ajouter encore quatre nouveaux dessins aux cinq qu'il avait déjà terminés d'après les bijoux trouvés à Rézane, et je le chargeai de refaire avec beaucoup plus de soin et de hardiesse tous ceux qu'il avait achevés avant son départ.

Ces quatre dessins supplémentaires devaient, servir de pièces justificatives à mon travail, qui a pour but de déterminer, avec la plus grande vraisemblance possible, l'usage des objets découverts près du *vieux-Rézane.*

Ces quatre dessins, dont je viens de réduire le nombre à deux pour éviter des dépenses superflues et abréger cette notice, représentent différens objets faisant partie des costumes de nos Tzars, ou employés dans les cérémonies de l'église gréco-russe, ou appartenant à nos anciennes armes.

Le premier de ces dessins, marqué du N° 1, doit servir de frontispice au présent *Extrait*. Il représente, sous la lettre A, le Tzar Alexis Michaïlowitch, revêtu de son costume de Tzar, c'est-à-dire d'une espèce de dalmatique fort longue connue sous le nom de *Stanovoï Kaftan*, (Robe du corps, comme on disait en français : *Juste au corps*), ornée de boutons d'or (en forme d'olives) et d'une espèce de camail appelé *Barme* (Parme?) autour de la poitrine et des épaules. (2).

---

(2) Ce portrait a été dessiné avec la plus grande fidélité et réduit de moitié par M. Sontzof, d'après une peinture à l'aquarelle insérée dans un vieux manuscrit russe appartenant à la Bibliothèque de l'Académie Impériale des Beaux-Arts de St.-Pétersbourg.

Cet ouvrage, écrit en 1672, renferme non seulement les portraits (à l'aquarelle) des Grands-Ducs et des Tzars de Russie, depuis Ruric jusqu'à Alexis Mikhaïlowitch inclusivement, mais encore ceux des Monarques contemporains, tant chrétiens que Musulmans, Boudhistes ou de la secte de Confucius. Cette dernière collection commence par le Pape et se termine par l'Empereur de la Chine.

Les portraits des Grands-Ducs de Russie jusqu'au Tzar Jean Basilide, ne sont tous que des fictions, comme on peut en juger par ceux de Ruric et d'Igor, qui sont couverts d'une armure du XVI siècle, et celui de Swiatoslaw Igorévitch représenté avec une longue barbe, blanche, tandis qu'il avait coutume de se raser non seulement la barbe mais encore toute la chevelure, et ne conservait que la moustache et une mèche de cheveux qu'il laissait flotter au gré des vents sur le sommet de la tête. Voyez Leonis Diaconi etc. — Historia CB Hase. Paris 1819, in-fol : L. IX § XL

La planche N° 1 nous offre, sous la lettre B, le dessin d'une cotte de mailles en argent déposée au Musée de Moscou, et dont les ornemens peuvent donner une idée des *Barmes* dont on enrichissait le camail du costume de nos Tzars.

Enfin la lettre C de la même planche représente les *Barmes* de Monomaque, conservées sous ce nom au dit Musée; la lettre D, le sceau de l'empire russe du tems du Tzar Alexeï Michaïlowitch, et la lettre E, le caractère d'écriture usité à cette époque.

La planche N° 2, qui sert de titre à cette notice, représente d'abord, sous les lettres A et B, la Panagie (Παναγία) *d'Averki* ou *Abercius*, métropolitain de Vereïa du tems du Tzar Michel Féodorowitch, trouvée dans le couvent de *Rojestwenski* (ou de la Nativité) à Vladimir. (3)

Sous les lettres C et D, on voit une croix en bronze découverte sur le célèbre champ de bataille connu sous le nom de *Plaine de Koulikof* (des Bécassines) (4).

---

(3) «*Panâhia*, Παναγία (toute sainte) est un mot grec qui désigne l'image de »la Sainte Vierge, que les archevêques et quelques archimandrites portent sur la »poitrine au moyen d'une chaîne en métal. — Алексѣевъ, церковный словарь etc. Alexeieff dictio: Ecclésiastique, imprimé à St.-Pétersbourg en 1794, in-8. Tome 2 page 277.

(4) C'est dans cette plaine (du gouvernement de Toula) que le fameux Mamaï, Khan des Tartares de la horde dorée, ligués avec ceux du Wolga, fut complètement défait en 1380 par le Grand-Duc de Russie Démétruis, surnommé (*Donskoï* (du Don).

Ce terrible combat ne décida point, à la vérité, des destinées de la Russie, encore courbée sous le joug des Tatares; mais on peut dire que cette bataille (de même que celle de *Borodino*, ou *Mojaïsk*) *fut une preuve de la régénération*

Cette *Panagie*, ainsi que la charnière E faisant partie de la croix de bronze C et D, sont placées ici pour mettre le lecteur à même de les comparer avec les premières plaques en or comprises dans le nombre des antiquités trouvées près du Vieux-Rézane (Planche N° 3).

J'espère, à l'aide des excellens dessins de M. Sontzoff, parvenir à remplir d'une manière satisfaisante la première des commissions dont S. M. avoit bien voulu me charger; mais je ne puis, à mon grand regret, répondre aussi heureusement aux deux autres.

Les investigations auxquelles je me suis livré à cet égard, et les peines que je me suis données pour y parvenir, ne sauraient suppléer à l'absence totale de documens positifs sur le véritable usage auquel étaient consacrés les effets les plus précieux qui ont eté découverts près du Vieux-Rézane, ni à l'ignorance complète où nous nous trouvons sur le nom et la qualité des personnes auxquelles ces objets peuvent avoir appartenu.

---

de la Russie et le prélude de ses succes futurs! Karamzin, *Histoire de l'Empire Russe* (Seconde édition en langue russe, tome V. pages 22 et 76).

II.

Détails sur la manière dont les Ornemens susmentionnés ont été découverts près du Vieux-Rézane.

En suivant le cours de l'Oka, on arrive à un village nommé *Vieux-Rézane*, appartenant aujourd'hui à M. de *Chestakof* et situé à 50 verstes de distance du chef-lieu du gouvernement de Rézane. Près delà se trouve un emplacement entouré d'un vieux rempart de terre et traversé par la grande route qui conduit à la ville de Sapajok.

Trois habitans du dit village étaient occupés le $\frac{6}{18}$ Juin 1822 à achever par corvée la route susmentionnée, lorsque l'un d'eux, nommé Justin (Oustine) Yefimof, chargé de travailler au talus d'un fossé, ayant labouré un petit espace de terre à $\frac{3}{4}$ d'archine (ou à peu près 2 pieds anglais) de profondeur, avec une espèce de charrne à croc ou *Aran*, nommé *Sokha* en Russe (5), aperçut différens objets en or enrichis de pierres précieuses et de perles fines, qu'il s'empressa de recueillir.

---

(5) Le mot *aran* est français. Pour bien rendre le terme russe *sokha*, j'ai employé avec intention cette expression usitée dans la France occidentale c'est-à-dire dans le ci-devant *Angoumois*, qui forme aujourd'hui le département de la Charente. Cet instrument aratoire nommé *aran* ressemble beaucoup à notre *sokha* russe.

Voyez l'abbé Rozier, *Cours complet d'agriculture* etc. Paris 1783, in-4. Tome 3, Article *Charrue*, Section II.

Son fils Moïse, encouragé par l'exemple de son père, se mit à chercher le reste du trésor, et eut le bonheur de trouver encore plusieurs autres ornemens semblables.

Le lieu où furent découverts ces objets précieux est situé à l'intérieur du vieux rempart de terre dont il a été fait mention. Ils étaient, dit-on, renfermés dans un sac de cuir dont il ne restait plus que quelques débris: l'or en est extrêmement pur, et ils pèsent, avec les pierreries dont ils sont enrichis, près de 6 livres (de 14 onces).

Ces joyaux furent tous portés chez le Gouverneur général, M. de Balaschof, qui les présenta au défunt Empereur *Alexandre* I.

S. M. ordonna que ces ornemens me fussent remis comme il a été dit plus haut), et m'intima personnellement l'ordre de les faire estimer.

Les experts appelés à prononcer sur la valeur de ces antiquités Russes, déclarèrent à l'unanimité qu'elle aurait pu se monter à plus de 10,000 roubles (plus de 11,000 francs), si les pierres précieuses en avaient été taillées et façonnées comme elles le sont ordinairement de nos jours.

S. M. donna dans cette circonstance une nouvelle preuve de sa munificence habituelle, en faisant remettre aux villageois qui avaient découvert ce trésor, la somme de 10,000 roubles, dont 9,000 échurent en partage à Justin (Oustine) et à son fils, et les 1,000 roubles restans, à Jacques

Pétrof, qui travaillait avec eux au moment de cette découverte.

Quant aux ornemens mêmes, ils furent, conformément à la décision de S. M., réunis à la collection de raretés en tout genre qui décore les salles de l'Ermitage Impérial de St.-Pétersbourg.

III.

Description detaillée des Ornemens précieux découverts à Rézane.

Les habitans de Rézane affirment d'après d'anciennes traditions locales, que le rempart de terre à l'intérieur duquel furent découverts les joyaux dont nous venons de parler, est précisément le lieu où se trouvait jadis la ville de Péréslavlé Rézansky.

L'usage auquel étaient destinés quelques-uns de ces objets n'est sujet à aucun doute. Ce sont nommément: de petites croix en jaspe ornées d'or, que l'on portait sur la poitrine, comme on le fait encore de nos jours; de grands boutons de même métal; des bagues de femme enrichies de piereries; un anneau d'or; un bracelet; des pendeloques (peut-être des pendans d'oreilles); une chainette en or et en perles fines.

Outre ces ornemens en or fin, on trouva encore une grande quantité de paillettes en argent doré de différentes formes et grandeurs, qui servaient à broder les vêtemens en drap d'or et en velours ou *Aksamit*, particulièrement le costume de cérémonie de nos Tzars, de nos Princes ou Grands-Ducs, et de nos Boyars. C'est pour cette raison que chacune de ces paillettes est percée de petits trous par où on les cousait aux étoffes (6).

On déterra également avec ces différens ornemens, qui faisaient partie des anciens costumes russes, de grandes plaques rondes en or couvertes de pierres précieuses et de perles fines. Plusieurs d'entre elles sont ornées d'images de saintes, émaillées dans le goût byzantin et portant des inscriptionsgreques, où l'on remarque plusieurs Ruthénismes, qui prouvent qu'elles ont été faites, comme l'ont été probablement toutes les autres parties de cette riche garniture, par un artiste russe qui n'était pas versé dans le Grec.

Le nombre de ces plaques, dont quelques-unes sont doubles, et dont les unes sont grandes, tandis que d' autres

---

(6) L'ancienne expression russe *Aksamit* provient du mot grec ἑξάμιτον usité dans le moyen-âge, dont on a fait par contraction ξάμιτος. Ce terme donna naissance, vers la même époque, aux mots allemand et français Sammet, *samit*, *samis*, *samy*, et au russe *Aksamit*. Il désigne une grosse étoffe de soie, qu'on appele aujourd'hui *velours*, et qui était souvent entretissue d'or ou d'argent.

Voyez du Cange, *Glossaria ad scriptores mediae et infimae graecitatis et latinitatis*, *vox* ἑξάμιτον, *Exametum*, ainsi que *l'Histoire de St. Louis*, par Jehan Sire de Joinville etc. Paris 1761, in fol. Glossaire page liij.

sont de moyenne grandeur et d'autres enfin plus petites, se monte en tout à 5 paires, non compris 3 plaques qui sont isolées. Deux des premières sont composées de deux feuilles d'or creuses en dedans; et chacune des ces feuilles, qui sont unies par un rebord est ornée d'une image peinte en émail qui représente un saint, comme on peut en juger par leurs auréoles; mais elles ne portent aucune inscription servant à désigner le nom des saints qui y sont peints à mi-corps sous les traits de deux martyrs russes *Boris* et *Gleb*, mais sans barbe (7). En guise d'inscription, on voit des deux côtés de leurs têtes, deux espèces d'ornemens qui ressemblent à de grandes fleurs ou qui ont la forme de vases d'une figure singulière. Ces saints tiennent à la main la croix du martyre, et ont la tête couverte du bonnet slavon (8). Le revers de ces doubles plaques est parsemé de grosses pierres précieuses. Ces plaques sont échancrées au-dessus de la tête des saints, pour y passer une attache, au moyen de laquelle on les suspendait à une chaine ou à un cordon en or.

Cet ornement ressemble aux *Panagies* que portent nos évêques, archevêques et métropolitains, et dont on peut voir la véritable forme sur la planche N° 2, qui sert de

---

(7) Les images de ces deux saints particuliers au calendrier gréco-russe ont été gravées sur bois et insérées dans l'ouvrage de Lazare Baranowitch, archevêque contemporain du Tzar Alexei Michaïlowitch. Cet ouvrage intitulé *Homélies de la parole de Dieu*, ou *Trompettes festales*, a été imprimé à Kiew en 1574 et réimprimé en 1689.

(8.) Voyez *Menologium Graecorum etc. Urbini* 1727, in-fol, pars 1, pag. 215.

titre à cette notice, et où l'on a représenté la *Panagie* (Panahia) faite en 1631 pour le Métropolitain de Véréïa Averki (Abercius). Cette Panagie est creuse en dedans pour y mettre des reliques.

Ces doubles plaques ne pouvaient être cousues d'aucun coté à l'habit, à cause de la hauteur des grosses pierres précieuses qui y sont enchâssées dans des chatons en or extrêmement saillans. On les portait par conséquent suspendues à des cordons ou à des chaînes d'or, de même que nos évêques portent aujourd'hui les *Panagie*, ou comme les anciens Romains avaient coutume de porter leurs bulles d'or.

On avait donc pratiqué dans les doubles plaques les échancrures susdites, pour y passer non seulement une sorte d'agrafes semblables à celles qui figurent dans le dessin désigné par les lettres M et N, mais encore de petites boucles ou anneaux en or semblables à ceux que l'on y voit en core. (9)

La seconde espèce de plaques rangée par paires est unie d'un côté, et se compose d'une feuille d'or, tandis que

---

(9) L'usage de porter sur la poitrine des bulles ou une espèce de boîtes rondes en or suspendues au cou au moyen de chaînes ou de cordons du même métal, remonte aux premiers tems de Rome. « Les bulles, dit Montfaucon, étaient « un ornement qu'on ne donnait anciennement qu'aux enfans de qualité ; mais « dont l'usage devint plus commun dans la suite. » « Les bulles étaient creuses par dedans, pour y mettre des préservatifs selon Macrobe. » Voyez Montfaucon, *Antiquité expliquée* etc. Paris 1719, in-fol. Tome III, part. I, pag. 98 et 99, pl. XXXVII et XL.

l'autre côté est parsemé de pierres précieuses et de perles fines. Chaque plaque a une espèce de charnière en or qui servait probablement à suspendre ou à coudre ces plaques à l'habit au moyen d'un cordon.

Il faut observer que toutes les pierres précieuses employées à l'ornement de ces plaques, sont simplement arrondies sans être taillées à facettes ; ce qui prouve leur antiquité. Elles sont enchâssées dans des chatons en or fixés aux plaques à l'aide de *filigrane* de même métal.

Les 12 pierres précieuses qui faisaient partie des ornemens sacerdotaux du grand-prêtre chez les Juifs étaient attachées de la même manière au pectoral, qui était en drap d'or (10).

Le troisième genre de plaques a également un côté uni, tandis que l'autre est orné d'une image peinte en émail, qui représente la Vierge et Sainte Marie ou Marine, Sainte Barbe et Sainte *Orine* (c'est ainsi que ce nom est écrit au lieu d'Irène, qui est la véritable orthographe.)

Parmi ces plaques, on en voit une petite de forme ovale, ornée d'un crucifix en émail entouré d'inscriptions grecques et russes.

---

(10) J'ai traité cette matière *in extenso* dans un nouvel Essai sur la véritable forme des habits sacerdotaux chez les anciens Hébreux, que je me propose de publier à l'usage des artistes.

Les ouvrages en filigrane se nomment indubitablement משבצות *meschebetzoth* dans la Bible hébraïque. Ce genre d'ouvrages en métaux précieux est encore très en vogue en Asie.

On le nomme مشبّك *Mouchebbek*, c'est-à-dire *entortillé*, *entrelacé*, *travaillé en forme de filet* ; enfin il répond à ce qu'on appelle *filigrane* en français.

Il nous est difficile de déterminer d'une manière positive l'usage auquel étaient destinées les plaques unies, c'est-à-dire celles qui n'ont point d'images. Nous savons seulement que les habits de fête des Tzars et des Grands-Ducs de Russie, et même ceux des Boyards se faisaient jadis en brocard et en velours, et qu'ils étaient souvent enrichis de pierres précieuses.

Les Princes régnans, ainsi que les Princesses, et après eux nos Tzars et nos Tzarines, portaient en outre, les jours de fêtes ou de Gala, un costume nommé *Stanowoï Kaftan.* C'était une espèce de longue chape ouverte par devant, tandis que celles de nos diacres, appelées *stikhars*, sont fermées comme les blouses (11).

Ce vêtement de nos Tzars se boutonnait par devant, du haut en bas, au moyen de gros boutons d'or en forme d'olives (12). On portait par dessus cet habit un large collet rond tombant, c'est-à-dire une espèce de camail, sur lequel on attachait les ornemens nommés *Barmy* (13). Cette partie du costume impérial des Grands-Ducs et des

---

(11) *Stikhar* dérive du mot grec *Στιχάριον.* — Du Cange, dans son *Glossarium ad scriptores infimæ graecitatis*, le rend en général par le mot latin *Tunica*, et le définit en ces termes : *Στιχάριον appellatur praeterea vestis strictior ecclesiastica*, etc.

(12) Voyez le portrait du Tzar Alexis Mikhaïlovitch, planche No I, copié d'après une grande miniature à l'aquarelle faite de son tems. (Lettre A).

(13) On trouve des détails très-circonstanciés sur le costume des Tzars et des Grands-Ducs de Russie à l'art. VII, page 73 de la *Description historique de l'ancien Musée Russe* publiée in-fol. à Moscou, en 1807. Ce VIIe article renferme une notice très-curieuse sur les différens costumes des Tzars et de leur cour, extraite des archives de la Salle des armures anciennes à Moscou.

Tzars de Russie était ornée de plaques d'or de différentes formes, mais plus généralement rondes et enrichies de pierres précieuses.

On peignait en émail, sur quelques-unes de ces plaques, des images de saints, et surtout celle de la Ste Vierge, ou *Panagia* des Grecs de Byzance (14). Pour donner une

---

Cet extrait contient une description assez détaillée de la Robe ou Dalmatique impériale des Tzars, nommée *Stanovoï Kaftan*, qu'ils portaient au jour de leur couronnement, et dont ils se revêtaient en outre lorsqu'ils approchaient de la Sainte Table, de même qu'à plusieurs de nos grandes fêtes et à la réception des ambassadeurs étrangers. Ce costume, comme on le voit par la description trouvée dans les archives, consistait, à l'instar de celui des Empereurs de Byzance, en une longue robe de dessus à larges marches, plus courte que celle de dessous. Les pans de cette robe, sa bordure inférieure et le bord des manches étaient couverts *d'agrafes pliantes en or et en pierres précieuses.*

« Lorsque l'on mettait cette robe de dessus, les deux pans se boutonnaient « du haut en bas. En cas de décès d'un membre de la famille du Tzar, on « prenait le deuil ; et le souverain portait alors une pelisse en velours noir « épinglé : un bonnet de la même étoffe lui tenait lieu de couronne. Les *Ryndy* ou Gardes du corps du Tzar se tenaient derrière son fauteuil en habits de deuil (littéralement en *habits tranquilles*) de couleur brun de girofle foncée, bordés de martre zibeline.

Les Boyards, les *Okolnitchy* (Margraves?) et les *Doumni Ludi* (Conseillers d'Etat) portaient des habits de Damas fourrés et des cafetans noirs. Les stolniks, les avocats, les gentilshommes, les secrétaires et les enfans de Boyards (qui étaient une espèce de petite noblesse), mettaient pendant le deuil des *Odnoriadki* (des uniformes) *tranquilles*, c'est-à-dire de couleurs sombres, telles que le noir, la couleur de cerise et le violet foncé.

(14) *Barmy*. On ne trouve dans les dictionnaires ou glossaires de la langue grecque ou latine des tems anciens, du moyen-âge ou modernes, aucun homophone du mot Barmes (Parmes), qui ait la même signification que l'expression russe Бармы. L'Auteur de la *Description historique de l'ancien Musée Russe* et de la *Collection d'ouvrages précieux et d'armures* de Moscou (Art. V, page 66, sous la rubrique *Epaulières des Tzars* ou *Saintes Barmes*) fait dériver ce terme du Grec: *βάρημα* ; — qu'il rend par les mots: *charge*, *fardeau*,

juste idée de la richesse des costumes de nos ancêtres, il nous suffira de citer ce que rapporte à ce sujet un témoin oculaire, M. le comte de Carlisle, ou l'éditeur de la Relation de son ambassade près du Czar Alexis Mikhaïlowitch au nom

---

et ajoute que cette expression fait allusion « à la charge ou au fardeau que les « Oints du seigneur prennent sur eux lorsqu'ils se chargent du gouvernement des « empires. »

Cette acception s'applique très-bien à cette espèce d'attributs de nos Tzars; mais, comme on ne la trouve pas dans les ouvrages des anciens auteurs et que je ne l'ai pas même rencontrée dans ceux qui traitent des cérémonies de la Cour de Byzance (*Constantini Porphyrogenneti J: de Ceremoniis Aulae Byzantinae*), je crois que cette définition ne peut être adoptée comme une autorité.

Quant à moi, j'ose croire que le mot *Barmy*, s'il nous est venu de Byzance, dérive tout simplement du terme homophone grec *πάρμη* (*parme*), dont le pluriel est *πάρμαι*, *parmai*, bouclier rond décrit par Polybe de la manière suivante: *ἡ δὲ πάρμη.....περιφερὴς γὰρ οὖσα τῷ σχήματι, τρίπεδον ἔχει τὴν διάμετρον.* (Polyb: Hist : lib: VI, § 20). Traduction littérale:« La *parme*, dont la forme est ronde, a trois pieds de diamètre. »

En effet, les plaques dont se composaient les barmes de nos Grand-Ducs et Tzars ont communément la forme de petits boucliers ronds, ainsi que tout le camail, collet ou pélerine sur laquelle les *barmes* étaient attachées, comme on le voit dans la planche No I - lettre C.

Il paraît que c'est cette forme qui leur a fait donner le nom de Бармы au pluriel, avec un B au lieu d'un P; car cette permutation est très-fréquente; mais je n'oserais affirmer cette opinion d'un manière positive, puisque je n'en ai point trouvé d'exemple dans la langue grecque ancienne, ni dans celle du moyen-âge, ni dans le grec moderne, ni sous la rubrique: *βάρημα*.

Je me suis enfin adressé à une personne versée dans la connaissance des langues orientales, nommément à M. le Conseiller d'Etat et Professeur Charmoy, pour savoir s'il n'existait pas dans les langues sémitiques de terme homophone, dont pourrait dériver le mot Barmes. M. Charmoy, avec son obligeance habituelle, me répondit qu'il trouve déjà dans l'Hébreu le substantif pluriel. — ברומים *Bromîme* qui désigne de riches étoffes. Ce terme se trouve dans Ezéchiel C. 27 V. 24. La langue persane possède les deux mots پرمون *Permoun* et پیرامن *Peiramèn*. Le premier est synonyme de زینت *Zînèt* (ornement) et de آرایش *Araïche* (parure). Le dictionnaire de Meninski le définit en disant « *Ornatus ex*

du roi d'Angleterre Charles II (15). «De cette salle nous en-
« trâmes (dit l'editeur de cette relation), immédiatement dans
« la salle d'audience (la même qui existe encore à Moscou
« sous le nom de *Granovítaïa palâta*).... là, nous fûmes

« *auro, argento et margaritis*»: «Ornemens en or, en argent et en perles fines» Le terme de *Peiramèn* signifie le *tour*, le *cercle*, la *circonférence*. Le costume royal des schahs de Perse est enrichi, sur les épaules et autour du cou, d'une riche broderie en pierres précieuses et en perles fines, qui ressemble beaucoup aux Barmes, comme on peut en juger par les portraits d'Aga Mo'hammed Khân et de Fethh Ali Schah (a).

Je n'oserais décider définitivement si le mot *Barmy* dérive du grec ou du persan; mais je suis convaincu qu'il ne peut provenir de *βάρημα*. —

On trouve dans le dictionnaire persan de Richardson (*Richardson, a dictionary persian etc. London, in* 4° 1806, *pag.* 176, et dans celui de *Meninsky*, un mot dont le son se rapproche entièrement de celui de *Barmy*, et dont la signification pourrait s'appliquer à cet attribut de nos Tzars et à l'usage auquel il était destiné: c'est le mot برم *Berm (guard, protection)* qui signifie *garde, protection*. D'ailleurs, si le mot *Barmy* nous venait du Grec *βάρημα*, les Russes l'auraient certainement écrit avec la lettre V ou *Védi*, et non avec la lettre B ou *Bouki*. Je conclus donc au préalable, que le terme de *Barmy*, Барми dérive plutot du grec *πάρμαι* ou du persan برم *Berme*. Le mot *πάρμη*, d'après le témoignage d'Henry Etienne, vient des langues de l'Orient; car, suivant lui, » Les boucliers de cuir des Carthaginois se nommaient *parme* » *H. Stephan Thesaurus linguae Graecae index. vox: πάρμη.*

(a) *Malcolm, the History of Persia, Lond:* 1815 *in* 4; *vol.* II *pag.* 262-314. *Sir Ker Porter, Travels in Georgia, Persia* etc. *Lond:* 1824, *in* 4, *frontispice du* 1 *vol.* On voit à l'Ermitage Impérial de St. Pétersbourg des portraits de Fethh-Ali-Schah, peints par des peintres persans, qui représentent ce monarque avec cette espèce d'ornement royal.

(15) Cet ouvrage rare se trouve à la Bibliothèque Impériale publique; il est intitulé: « Relation des trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle de « la part du Sérénissime et très-puissant Prince Charles II, Roi de la Grande Bre- « tagne, vers leurs Sérénissimes Majestés Alexey Michaïlovitch, Tzar et Grand-Duc « de Moscovie, Charles XI Roi de Suède, et Fréderic III, Roi de Danemark; etc. « Amsterdam, chez Jean Blaev. 1672, pet: in-12 de 382 pages. »

« d'abord tout surpris de voir l'extraordinaire splendeur et « la magnificence qui environnaient la personne du Czar. Il « avait sa couronne sur la tête, son sceptre à la main, et « un grand hausse-col qui était presque tout couvert de « pierres précieuses: sa robe d'ailleurs en était si bien par- « semée qu'elle brillait de pierreries partout, et comme un so- « leil de gloire dardait de tous côtés des rayons d'une lumière

---

Cette seconde édition, publiée par Guy Miedge (auteur du grand dictionnaire *The great French Dictionary.* Lond. 1688 in fol.) est dédiée au Vicomte de Morpeth, fils du comte de Carlisle. Il commence sa dédicace par ce passage remarquable: « Cette édition en *françois* a cet avantage sur *l'angloise*, qu'elle « en est l'original .... Enfin qu'elle est couchée dans une langue particuliè- « rement chérie de toutes les nations qui aiment la politesse. »

Louis XIV ordonnait à ses ambassadeurs de tâcher d'introduire, par tous les moyens possibles, l'usage de la langue française dans toute l'Europe. Ce fut sous son règne que l'on signa pour la première fois un traité de paix écrit en langue française, tandis que ces actes se rédigeaient habituellement en latin. Aussi le plénipotentiaire anglais protesta-t-il contre cette innovation, en faisant suivre sa signature d'une note par laquelle il déclara que cette innovation ne devait pas servir d'exemple pour l'avenir.

Les Romains propagèrent l'usage de leur langue par la force des armes. Les Français des deux derniers siècles influèrent, à leur tour, sur les mœurs de toute l'Europe, en y répandant leur langue par l'empire qu'ils y exerçaient en raison de leur ancienne amabilité ou politesse, comme disait Guy Miedge. On doit remarquer ici, que les femmes en France firent partie de la société des hommes avant que cet usage n'existât chez les autres nations de l'Europe. C'est là ce qui a certainement contribué à introduire, depuis bien des siècles, chez les Français une amabilité et une politesse particulières. Le sire de Joinville écrivait dans le XIIIe siècle que « le bon comte de Soissons lui disait: Sénéchal, lessons « huer cette chiennaille; que, par la quoise Dieu, ainsi comme il jurait, « encore en parlerons nous de cette journée ès-chambres des Dames. » Joinville, etc., Histoire de St.-Louis, Paris, 1761, in-fol. pag. 52. — De nos jours, M. de Rivarol a essayé de démontrer avec son esprit et son éloquence accoutumées, la néces sité absolue de l'emploi général de la langue française, en faisant remonter cet usage au siècle brillant de Louis XIV. Rivarol, de l'Universalité de la langue française; Hambourg, 1797, in-4; sujet proposé par l'Académie de Berlin.

*

« précieuse, page (83). ... Mais, ce qu'il y eut outre cela « d'admirable et de surprenante, ce fut le splendide équi- « page de sa cour; car il y avait environ 200 Boyars et « autres, assis en ordre tout autour de la muraille, portant « la plupart des robes de drap d'or, et d'argent, abondam- « ment semées de pierreries.

« Et tous ces gens là n'étaient que comme autant de rayons « de ce soleil, qui était élevé comme dans son char de « Trionfe, et qui n'avoient d'éclat que pour en faire « hommage à leur prince (page 84).... Au reste, je laisse « à penser de quelle manière nous fûmes surpris au pre- « mier abord de voir tant de splendeur et de magnificence.

» En effet, cela nous ravit tellement en admiration, et « l'éclat des joyaux (qui semblaient y disputer l'avantage « avec la clarté du soleil) nous éblouit si fort, que nous « nous perdîmes à peu près parmi cette confusion admi- « rable de lumière et de gloire (pag 85) ... M. l'ambasa- « deur étant revenu à sa place, le *Czar* se leva de son « trône, et en même tems toute la vénérable assemblée « se leva, dont les robes de brocard qui s'entretouchaient « firent alors *un bruit siflant* par la sale, qui *nous surprit* « *fort.* Cet *agréable murmure* étant fini, S.'M. *Czarienne* « prit la parole et s'informa de M. l'ambassadeur (page 86) « touchant la santé du roi (page 87)....

IV.

CONCLUSION.

Telles sont les notions que je suis parvenu à recueillir pour résoudre aussi bien que possible la question qui m'a été posée en ces termes:

» A quel usage pouvaient servir les ornemens trouvés » près du village connu sous le nom de *vieux-Rézane?*

Après avoir bien considéré la forme de ces ornemens, la beauté de leur travail, comparativement à l'époque où ils ont été confectionnés, la valeur du métal dont ils sont composés et celle des pierres précieuses dont ils sont enrichis, je combinai soigneusement toutes ces données avec différentes coutumes de nos ancêtres, savoir:

1. L'habitude qu'avaient les Grands-Ducs et les Tzars de Russie, d'orner leurs habits royaux de *Barmes*, composées ordinairement de plaques d'or rondes et enrichies de pierres précieuses et d'images peintes en émail;

2. Celle qu'ils avaient également de porter de pareilles images et des croix sur la poitrine;

3. L'emploi que l'on faisait de plaques ou *d'agrafes pliantes* (16), en or et en pierres précieuses, pour en couvrir les pans, les manches et le bord inférieur du manteau Impérial ou de la dalmatique des Grands-Ducs ou Tzars de Russie, nommé *Stanovôi Kaftán.*

---

(16) Il est à regretter que nous n'ayons point de données positives sur la forme des *agrafes pliantes* dont l'habit Impérial était orné.

4. L'usage que faisaient les hommes de grands boutons d'or en forme d'olives, pour boutonner les pans de leurs habits (17);

5) La coutume qu'avaient les femmes de porter des bagues en or, enrichies de pierreries;

6) Celle de porter des croix et des images sur la poitrine;

7) L'usage de se parer de bracelets d'or (18).

8) enfin, l'emploi que faisaient nos ancêtres de paillettes en argent doré pour broder le velours et les brocards; ce qui produisait vraisemblablement ce *bruit sifflant*; qui, par un *agréable murmure*, *surprit fort* la suite de l'ambassade du comte de Carlisle (19).

---

(17) La chronique de Nicon, en parlant des troupes des Princes de Nijni Nowgorod et de Moscou (en 1376), dit: « Elles chevauchaient après avoir jeté « leurs habits de dessus leurs épaules et déboutonné leurs boutonnières. »

Un portrait de famille des Princes Repnine, nommément celui du Prince Jean, Boïard du tems du Tzar Alexis Mikhaïlovitch, le représente couvert d'une pelisse de velours foncé, ornée de brandenbourgs en or, et garnie, du côté droit de l'habit, de boutons en olives, tandis que, du côté gauche, on ne voit que des boutonnières, Voyez la planche N° 7: lettres S. et T. Cette marque caractéristique du costume slavon se trouve consignée dans les productions de l'art du dessin qui remontent au x et au xi siècle. Voyez le *Menologium Graecorum*, Urbini, 1727, in-fol. part II, page 132, et le frontispice d'un manuscrit russe du xi siècle, (1073) conservé au Monastère de Voskrécensky (ou couvent de la Résurrection) près de Moscou, où sont peints les portraits du Grand-Duc Swiatoslaw, fils d'Yaroslaw, de son épouse (Oda, née comtesse de Stadt et sœur de Burchard, Archevêque de Trèves) et de leurs cinq enfans.

(18) Van Bruyn, qui, dans son Voyage en Russie du tems de Pierre-le-Grand a décrit et dessiné l'habillement des Dames et des Demoiselles Russes, dit entre autres. « Les bracelets, ou ornemens des bras, qui leur tombent sur « les mains, se nomment *Sarokavié*.» Corneille le Brun, etc. *Voyages par la Moscovie*, etc. Amsterdam, 1718, in-fol. Tom. I page 48.

(19) *Relation* etc., du Comte de Carlisle, page 86.

Je conclus donc, d'après toutes ces données, que les effets précieux enfouis sous les ruines du rempart de terre qui se trouvait près de Staraïa-Rézane, ont indubitablement servi, dans leur tems, à former un assortissement de joyaux destinés à orner le costume d'un Prince souverain, ou d'une Princesse régnante de Russie. Mais je ne saurais résoudre d'une façon aussi péremptoire la question relative à la manière dont se portaient plusieurs de ces objets.

Il m'est également impossible de préciser l'époque à laquelle ils ont appartenu, le Prince ou la Princesse qui en ont fait usage, et les circonstances par suite desquelles ces effets ont été enfouis sous terre.

Les raisons pour lesquelles ces questions ne sauraient être définitivement résolues sont les suivantes :

1). Ces effets ne portent ni l'année où ils ont été confectionnés, ni le nom du Prince auquel ils appartenaient.

2). Nos chroniques ne nous fournissent aucun indice qui puisse nous mettre à même de pénétrer ce mystère. Quoique nos chroniqueurs fassent souvent mention des ravages auxquels la Principauté de Rézane a été exposée, tous ces évènemens y sont rapportés d'une manière fort succincte et sans aucun détail. Ces effets précieux ne peuvent donc venir à l'appui d'aucun fait historique connu.

3). Enfin, comme nous manquons totalement de tables généalogiques bien détaillées de nos Princes apanagés, avec les noms de leurs épouses et de leurs filles, nous ne pouvons baser aucune hypothèse sur les trois noms de Saintes

dont les images sont en émail sur quelques-unes de ces plaques d'or ornées de pierreries et de perles fines, ni former aucune conjecture sur les Princesses auxquelles ces images peuvent avoir appartenu. Tout ce que nous pouvons avancer avec quelque vraisemblance, c'est que ces précieux joyaux ont été enfouis par leurs propriétaires ou par ceux qui les leur ont ravis à une époque malheureuse pour les Princes ou Ducs de Rézane.

Telle est la raison pour laquelle la découverte de ce riche trésor ne saurait jeter aucun jour sur l'histoire de Russie ; mais il offre le plus grand intérêt pour ce qui a rapport aux usages, coutumes, habillemens et parures de nos ancêtres. Cette découverte est surtout inappréciable pour les artistes qni pourront être appelés un jour à retracer sur la toile quelques faits qui se rattachent à l'histoire des Grands-Ducs ou Tzars de Russie.

Je m'estimerai on ne peut plus heureux, si ce court Essai sur les antiquités russes peut être de quelque utilité sous le rapport de l'art. J'aurais du moins justifié à un certain point la confiance flatteuse dont sa Majesté l'Empereur *Alexandre* 1, de glorieuse mémoire, a daigné m'honorer dans cette occasion.

V.

Description spécifiée des divers objets représentés dans les sept planches annexées à cette notice.

Craignant d'être trop prolixe et de devenir fastidieux, je ne consignerai dans cette traduction qu'une indication très-succincte des effets trouvés près du village nommé *Vieux-Rézane.*

Ce sont: ARTICLES.

1. Deux grandes plaques composées chacune de deux feuilles d'or, dont l'une est peinte en émail, et l'autre enrichie de pierres précieuses enchâssées dans de la filigrane 2

2. Cinq plaques en or, dont deux grandes, deux moyennes et une petite, unies d'un côté et ornées de l'autre d'images peintes en émail et entourées de pierres précieuses ou de perles fines 5

3. Six plaques de la même espèce, et de trois dimensions différentes, mais sans images. 6

4. Deux pendeloques ou pendans d'oreilles (?). . 2

5. Deux croix en jaspe, ornées d'or et de pierreries 2

6. Deux bagues, de femmes en or, enrichies de pierreries, et un anneau d'or mutilé 3

20

ARTICLES

7. Onze boutons en filigrane du même métal, ayant la forme d'olives 11

8. Une chaîne en or et en perles fines 1

9. Un bracelet du même métal travaillé à jour 1

Total 55

10 Tous ces ornemens sont enrichis de 325 chatons en or, enchassés dans de la filigrane du même métal.

11. Il ne s'est trouvé dans ces chatons que 283 pierres précieuses ; car le reste a été perdu lors de la découverte de ces joyaux, qui pèsent, avec les pierreries dont ils sont ornés, 5 liv. 92½ zolotniks (poids de Russie).

12. 1745 paillettes en argent doré, de 9 formes différentes, pesant ensemble 52 zolotniks.

VI.

Documens communiqués par M. Oustrelof sur l'époque de l'incorporation du Duché de Rézane à l'Empire de Moscovie, et sur la destruction du Vieux-Rézane.

Nous nous bornerons, comme dans l'article V, à ne donner ici qu'un extrait très-succinct de ces évènemens.

1. La principauté ou le Duché de Rézane fut incorporé à l'empire de Moscovie du tems du Tzar Basile Iwanowitch, c'est-à-dire, avant l'année 1517.

2. La ville connue sous le nom de *vieux-Rézane* existait encore daus le XVIe siècle, c'est-à-dire postérieurement à l'année 1568, et elle n'a probablement été réduite en village qu'en 1708.

3. Les détails que nous fournissent ces documens prouvent que la ville de Rézane, fondée primitivement sur l'emplacement qu'occupe aujourd'hui le *vieux-Rézane*, a été saccagée au moins 6 fois, comme le démontrent les données que nous sommes parvenu à recueillir jusqu'ici; savoir: en 1210, 1237, 1460, 1494, 1521, 1563, et elle a enfin été entièrement détruite en 1708. Il s'est donc présenté bien des circonstances dans lesquelles on a pu enfouir à la hâte les joyaux les plus précieux, ainsi que les vêtemens et autres effets appartenant aux Princes ou Ducs de Rézane. Mais, pour ce qui concerne l'époque où le

trésor trouvé près du Vieux-Rézane a été enterré, il nous sera de toute impossibilité de la préciser avec certitude, tant que l'on n'aura point découvert de nouvelles sources historiques, ou d'autres monumens de la même époque ou du même genre, qui nous feront connaître l'année où ils auront été confectionnés ou le nom de leur ancien propriétaire.

FIN.

ANTIQUITÉS
RUSSES
DE RÉZANE.

Extrait d'une Notice

SUR D'ANCIENS ORNEMENS

DÉCOUVERTS EN 1822,

PRÈS DU VILLAGE NOMMÉ

VIEUX-RÉZANE,

Faisant partie du costume des Grands-Ducs ou Tzars de Russie.

Traduit du russe,

REVU ET ENTIÈREMENT CORRIGÉ PAR M. LE CONSEILLER-D'ÉTAT
ET PROFESSEUR

F. B. CHARMOY.

Saint-Pétersbourg,

DE L'IMPRIMERIE DE Mme VEUVE PLUCHART.

1831.

2007096510